

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XLIV международной научно-практической конференции*

№ 1 (44)
Январь 2015 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

В 59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук рецензент НП "СибАК";

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

Кушцова Ирина Александровна — д-р культурологии, проф. кафедры отечественной истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XLIV междунар. науч.-практ. конф. № 1 (44). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 120 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
СОВЕСТОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ (О КУЛЬТУРЕ СОВЕСТИ) Егоров Александр Владимирович	6
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК ЮГА УКРАИНЫ XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ Сидоренко Татьяна Валериевна	15
КОММЕРЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ГАЛЕРЕИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ УЧАСТНИК АРТ-РЫНКА РОСТОВА-НА-ДОНУ Фиськов Анатолий Анатольевич	21
1.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	33
ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ ДЕРБЕНТА Гасанова Севинч Султановна	33
Секция 2. Языкознание	39
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	39
АНТРОПОНИМ «ИВАН» ВОКРУГ НАС Татарникова Оксана Николаевна	39
2.2. Славянские языки	46
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕОЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО) Голикова Наталия Сергеевна	46
КОНФРОНТАЦИОННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Королёва Валерия Владимировна	53

2.3. Германские языки	59
ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА "HORSE" В ЛИТЕРАТУРЕ РАЗНЫХ ЭПОХ	59
Градалева Екатерина Александровна	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНЕКДОТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	64
Емельянова Светлана Михайловна	
Фесенко Ирина Викторовна	
ВЫРАЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМАХ ЧИСЛА ПОДЛЕЖАЩЕГО, ВЫРАЖЕННОГО ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	72
Рогачева Елена Сергеевна	
2.4. Романские языки	79
ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	79
Мукаева Алия Уалихановна	
Юсупова Нигара Рифатовна	
2.5. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	86
К ВОПРОСУ ОБ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	86
Долгова Татьяна Васильевна	
Охотникова Елена Петровна	
СЕМАНТИЧЕСКОЕ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ КОНЦЕПТОВ "AK", «БЕЛЫЙ», "WHITE" В ТАТАРСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	91
Королева Наталья Евгеньевна	
Сахапова Фарида Ханифовна	
Мукаева Руфина Вильевна	

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ КОННОТАЦИИ НОМЕНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ Нахапетова Ольга Витальевна	96
Секция 3. Искусствоведение	102
3.1. Музыкальное искусство	102
КАМЕРНО-ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКА Е.К. ГОЛУБЕВА Наумов Александр Владимирович	102
Секция 4. Литературоведение	112
4.1. Русская литература	112
ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРОЗЕ МАРИНЫ ПАЛЕЙ И МЮРИЭЛ СПАРК Ализаде Афер Азер	112

СЕКЦИЯ 1.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

**СОВЕСТОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ
(О КУЛЬТУРЕ СОВЕСТИ)**

Егоров Александр Владимирович

канд. филос. наук, доцент

Иркутского Государственного университета путей сообщения,

РФ, г. Иркутск

E-mail: eia6608@mail.ru

**SOVIETOLOGY AS A SCIENTIFIC FIELD
OF KNOWLEDGE (CULTURE OF CONSCIENCE)**

Egorov Alexander

candidate of philosophical Sciences,

associate Professor of Irkutsk State University of railway engineering,

Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается новая область знаний: «совестология», с её структурными элементами. Совестология рассматривается как подсистема философии и философии культуры.

ABSTRACT

The article proposes a new area of knowledge: «Sovietology», with its structural elements. Sovietology considered as subsystem philosophy and philosophy of culture.

Ключевые слова: совестология; философия; философия культуры; структура совестологии; закон социального соответствия; история совести; философия совести; социология совести; «прокрустово» общество.

Keywords: sovietology; philosoph; philosophy of culture; structure Sovietology; law social conformity; history of conscience; philosophy of conscience; sociology of conscience; “Procrustes” society.

Согласно научным традициям и требованиям любая наука обладает своим предметом исследования, своим понятийно-категориальным аппаратом, сущностно-определяющими функциями, закономерностями, социальными ценностями и формами проявления, школами и направлениями. Рассмотрим совестологию как область знаний науки философии, как неотъемлемую субнауку науки философии.

Совестология — это самостоятельная область знаний, которая исследует наиболее общие проблемы совести в жизнедеятельности личности и общества. Данная область знаний рассматривает совесть как общечеловеческую ценность, связанную с проблемой воспитания и формирования личности. Совесть является наиболее общим регулятором поведения и интеграции людей.

Совесть как онтологическое понятие и как духовное явление имеет свои исторически-социальные истоки, существует и проявляется по собственному специфическому закону. Истоками совести изначально являются знания, присущие каждому народу. В каждой исторической эпохе необходимы такие знания, которые связаны с нормами общежития, поведения, общения и деятельности людей. Как морально-ценностное явление совесть становится внутренним регулятором, мировоззрением, общечеловеческой мерой и оценкой поступков людей. Совесть становится реализованным фактором знаний человека, а общество — ответственным оком, хранителем социального феномена. Совесть есть социальное явление общества, его дар индивиду через его самосознание и познание системы табу.

Совестология как научное знание имеет свой предмет и закономерности, свои категории, функции, свою ценность и формы, включает такие важные разделы знаний, как историю совести, философию совести и социологию совести. Все три взаимосвязанных раздела знаний составляют структуру совестологии. Предметом совестологии является культура совести.

Есть единственная форма общения человека с самим собой на предмет самокритичности — это совесть. Совесть, понятие морального сознания, моральной ответственности за свои жизненные

поступки. Это и способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно выполнять нравственные обязанности и давать самооценку своим поступкам.

Совесть категория социально-личностная, включаясь в общественные отношения, человек обязуется выполнять те нормы, которые выработаны человечеством, историческим сообществом. Человек, вступая в жизнь, включается в нравственную систему жизнедеятельности. Моральные нормы ставят его в определенные социальные отношения, желает он этого или не желает, человек испытывает определенное общественное давление. Процесс формирования культуры совести начинается с познания (знания) норм общежития, с их осмысления. Знания переходят в осознание, принятие и соблюдение их. Это явление для индивида происходит не как единый социокультурный акт, а занимает немало времени — всю его жизнь, жить с совестью.

Нет общества без знаний, общения, отношений людей друг к другу. Знания — это пища для ума и сердца, это образы и опыт мира. Это мир и самого человека. Знания — это идеальный мир, в котором живет человек, это оружие общения, инструментарий человеческого познания. Знания о мире накапливаются от поколения к поколению и выступают как мудрая совесть, как социальный опыт необходимый для жизнедеятельности новых общностей.

Человек как уникальное социальное существо наделен потребностью познавать мир. Сознание человека как продукт социального плана обладает способностью отражать мир в определенных идеальных образах и понятиях. Любое общество есть носитель исторически определенных моральных знаний. Знать — значит ведать, отсюда обрести необходимое поведение, вести себя так же как содругие. Совесть, прежде всего знания человеческих отношений. Осознанные моральные знания становятся нормой, связанной с поведением человека в обществе. Общество, наделенное знаниями, доводит их до каждого индивида через семью, школу, трудовой коллектив. Знания человечества являются идеальными формами выражения добра. Совесть — это познание и воление добра, и добро становится основой совести.

Совесть — это уже такое явление, когда человек берет на себя обязанности самостоятельно без принуждения, сознательно выполнять правила, установленные обществом, творить добро. Совесть изначально предполагает моральные знания, их познание, их осознание, их соблюдение и реализацию. Поэтому как нет общества без моральных знаний, без их изучения и познания, так и нет общества без совести, без творения добра. Проявление совести не может быть без целенаправленного добра другому человеку, обществу, совесть

не может быть не гуманной. Возникает цепь взаимосвязанных социальных понятий: совесть-добро-гуманизм-жизнь-деятельность. Выходит, что только на таком фундаменте может функционировать общество. Только при таких уникальных требованиях к личности, к ее сознанию, а именно, что надо не только мыслить добро, но и творить его духовно и материально, — возникает совесть.

Общество не может существовать, развиваться без знаний, духовности так же, как и без совести индивидуальных личностей, их собственной и социальной жизни, их убеждений. Нет совести без знаний человека, как и знаний без убеждений и поведения человека. Совесть есть внутреннее отражение социальной организованности общества, есть и внутренний порядок личности, закрепленный ее волей и деятельностью.

Содержание и понятие совести, включаясь в общественные отношения, исключает вероломность, зло, жестокость, войны. Совесть — это такой социальный инструмент, который позволяет решать сложные вопросы человечества мирным путем. Знания, сознание и совесть — неотъемлемые понятия самой жизни человека и общества, их деятельности. Совесть в социальном мире есть определенная соорганизованность с ее самоуправляемостью, притом в сторону гуманного сосуществования и с необходимой системой взаимозависимости — добра, истины и красоты. Социальному миру всегда присуща исторически определенная система соотношений добра, гуманности и красоты. Без этих взаимозависимостей не существовало бы старого и нового Света. Эта социальная система положительной силы превалирует над злом. Совесть не только интегрирует понятия добра, красоты и истины, но прежде всего выделяет из этой системы понятие добра и основывается на нем. Словом, совесть — это концентрированное выражение добра, связанное с конкретной гуманной этикой. Вот эту социальную упорядоченность, направленность, вот это социальное соответствие в жизнедеятельности людей можно назвать законом совести.

Совесть повелевает не только знать наряду со многими другими моральными нормами, но принимать эти знания на себя. Так начинает функционировать общество с определёнными целями и задачами. Появляется система «табу» как своеобразная форма проявления свободы людей и как определенное «прокрустово» общество. Возникает явление соответствия действий человека с предписаниями, определенными знаниями общества. Выработывается социально-необходимое личностное знание и требование, по которому живет общество, устанавливаются моральные и правовые законы. Рождаются

закономерность социального соответствия, которая начинает функционировать как закон совести. А в целом закон социального соответствия проявляется как социальная тенденция, эта закономерность позволяет сохранить общество, поддерживать определенный порядок.

Организованная и действенная система правил в обществе, формирует совесть. Знать моральные и правовые нормы жизни и их сознательно соблюдать есть проявление закона социального соответствия (совести) есть функционирование самого общества. Этот закон открывает путь свободы, которая идет от общества к личности, сверху вниз. От знания моральных и правовых норм общества до его личностного осознания и выполнения — таков путь закона социального соответствия или закона совести.

Такой процесс социальной эволюции, сопровождаемый самооценкой, рефлексией совершенного, сделанного личностью, можно назвать законом проявления совести. При которой самооценка личности должна совпадать с оценкой, требованиями общества. Возникает явление соответствия или несоответствия с предписаниями общества. Понятие «социальное соответствие» раскрывает принцип служения обществу и себе, быть нужным и востребованным обществом. Обратное этому понятию есть «социальное несоответствие». Этот закон воспитывает меру социальности в поступках и делах человека, он раскрывает ценность «социальности» (гражданской принадлежности к обществу), ее сущности. Проявление закона происходит на осознанном уровне. Реализация закона социального соответствия есть проявление культуры совести, то есть наличия совести и действия ее в обществе.

Закон социального соответствия — это закон социальной преемственности, защищенности, развития, определенной социальной организованности и упорядоченности. Какие бы трудности в историческом плане не переживало общество, но этот принцип как нечто святое сохраняется в душевном и духовном богатстве народа, готовый откликнуться на беды других народов своей морально-здоровой и гуманитарной помощью.

Закон социального соответствия требует от человека быть социально ответственным во всем: в мыслях, чувствах, волевых действиях, поступках и жизнедеятельности. Итак, совестология — наука о культуре совести, законе социального соответствия (закона совести), ее функциях, ценностях, школах и направлениях в развитии и проявлении совести. Совестология как научная область знаний имеет свои категории и понятия, к ним относятся: трудовая совесть, чистая совесть, гражданская совесть, спокойная совесть, мудрая совесть,

угрызение совести, без зазрения совести, а также такие понятия: философия совести, история совести, социология совести и др. Содержание и сущность совестологии раскрываются в её функциях. Наиболее важная функция совестологии — это функция человекотворческая (совестотворческая), связанная с самосознанием, самопознанием и самосовершенствованием личности. Это и ценностно-оценочная, рефлектирующая функция, корректирующая поведение человека, его жизнедеятельность. Это и нормативно-регулирующая. Это и интегративно-коммуникативная, сплачивающая людей узами родного языка, обычаями и традициями; — это и гуманистическая, мировоззренческая функция и другие.

Совестология включает важную структурную часть научного знания: историю совести как необходимый фактор функционирования общества в рамках пространственно-временного проявления, как этно-внутренний фактор развития общества и государства. История совести — это ее генезис и энтогенезис, ее проявление на различных этапах исторического развития.

История совести, ее происхождение как определенной нравственной нормы, а затем системы, связанной с коллективным трудом. Коллективный труд требовал от своих участников высокой дисциплины и честного отношения к делу. Коллективный труд людей не терпит лодырей. По свидетельству Л. Моргана (1818—1881) американского этнографа, у североамериканских индейцев-ирокезов ленивый или неумелый член рода вызывал всеобщее презрение. Его обычно изгоняли из рода. Коллективное распределение продуктов питания как важный фактор существования формировало нравственные качества индивида. Единственное вознаграждение австралийского охотника — это радость удачи и похвалы соплеменников, но его умения рассматривались как достояние рода или племени, а не его личная заслуга.

Существовали строгие и сложные правила распределения пищи, чётко просматривалась тенденция укрепления кровнородственных связей, поддержка родственников старшего поколения. А так как центром кровнородственных связей была мать и материнский род, то, естественно, особое внимание уделялось родственникам со стороны жены и матери. Например, у отдельных австралийских племен существовал обычай «неборак», который требовал, чтобы охотник лучшую часть своей добычи отдавал тестю и теще. Выходит, что одним из существенных достижений нравственного прогресса в эту эпоху было утверждение коллективизма и товарищества как нормы нравственного отношения внутри рода и племени.

Подобные внутриродовые отношения способствовали формированию чувства совести.

Вместе с тем в родовом обществе была выработана система запретов, известная в этнографической литературе под названием табу. Это были запреты и ограничения, связанные с употреблением некоторых видов пищи, с особо важными актами личной жизни и общественного быта. Это и определенные нормы поведения, обязательные для исполнения, например, поддержание огня, защита жилища, женщин, детей и стариков, а также вождей и жрецов, личной и общественной собственности. У первобытных народов табу глубоко внедряется в сознание индивида и во многих случаях определяет его поведение как лично в быту, так и в общественной жизни. Это своеобразное «прокрустово» общество. Табу — это нечто большее индивидуального «нельзя». Это важная родовая или племенная обязанность, стоящая перед индивидом, нарушение которой равносильно смерти. Функционирование общества начинается с конкретной системы «табу».

Эти факты свидетельствуют об эволюции нравственного самосознания первобытных людей. Наличие общественного самосознания способствовало появлению совести коллектива, а от него к совести индивида [1, с. 24—27]. Формирование совести и ее становление шло сверху вниз, по мере развития самосознания индивида и выделения его из рода и племени: от общественного самосознания к индивидуальному, от коллективно-родовой совести к индивидуальной совести. Эта тенденция сохранилась и до наших дней. Основной формой воспитания совести была и остается семья как краеугольная ячейка общества и государства [2, с. 34].

Наличие совести в основном и главном, ее присутствие и проявление на каждом историческом этапе говорит о её неизбежности, об общем свойстве и качестве конкретного общества. Знания о природе и обществе как источнике совести характеризуют каждый этап её исторического развития. Совесть измеряется знаниями, их осознанностью, использованием, системой передачи. Она всегда философична, наполнена социально-нравственным смыслом, социально-историческим содержанием и мировоззренческим аспектом. Любое технологическое развертывание рассматривается обществом с этической точки зрения добра или зла. Великие открытия всегда содержат двойное назначение.

Совесть выступает как внутренняя духовная мотивированная сущность деятельности как ориентированная сила человека. Закон

социального соответствия совести регулирует жизнедеятельность людей и в целом в обществе.

Важным структурным элементом совестологии является философия совести, выясняющая мировоззренческий характер совести, ее сущностное содержание, ее ценностно-направляющий и неотъемлемый характер в поведении людей. Сегодня все больше внимание занимает бытие совести, ее онтологический и гносеологический аспекты, противоречивый процесс её проявления. Совесть пронизывает не только исторические, но и философские пласты человеческой культуры. Философия совести — это мировоззренческая ответственность, смысла жизни общества и каждого из нас. Совесть есть общечеловеческий принцип жизнедеятельности людей и в этом ее ценностное содержание. Совестология как область знаний раскрывает ценностную, непреходящую сторону совести, её сущностно-гуманную, философскую основу. Философия совести как определенная область знаний предполагает наличие совести у разных народов. Философия совести выявляет наиболее обобщенное понятие данной категории, которая в целом характеризует духовное состояние общества, духовную ценность личности.

Философия совести — область знаний о совести как о духовном элементе культуры, как учение о нравственно-этическом освоении действительности. Эта область знаний о гуманно-человеческом опыте людей, выявляющая наиболее общий механизм поведения людей и регулирования общественных отношений. Содержание совести, ее культурная направленность отражается в категориях философии совести и, в частности, в понятии «мудрая совесть», которую можно назвать «осевым». Да и время появления понятия «философии совести» можно определить, что оно появляется в период «осевого времени» (К. Ясперс), когда различные духовные явления, а это религии заявили о себе как формы человеческого самосознания и самопознания. Научные знания о совести является составной частью философии культуры.

Другой частью знаний совестологии является социология совести. Её проявление на разных уровнях социальных групп и общностей. Общество без совести, знаний и их применения не сможет существовать, развиваться, соперничать и конкурировать. Совесть — это такой социальный инструментарий, без которого не может существовать общество и который должен все больше занимать умы в отношениях людей, связанных сегодня с нанотехнологической революцией и демографическим вопросом. Социология совести исследует проблему идейного сотрудничества представителей трех

мировых религий, определяет узы единства, веротерпимости в решении глобальных, неотложных задач человечества. Сегодня совесть — это знания, возведенные в поступок с сознанием и ответственностью дела. Социология совести одно из реальных направлений современной жизни. Она призвана раскрыть противоречивые тенденции, факторы, влияющие на поведение человека, на общую социологическую картину общества. Совесть в социологии рассматривается как сложное образование, имеющее социальную природу и ценность, необходимые для общения и деятельности людей и сообществ. Объектом социального исследования является совокупность институтов, а также форм, средств и методов формирования культуры совести. Социологический подход позволяет определить уровень культуры совести представителей различных сообществ.

Закон социального соответствия воспитывает и поддерживает нравственное здоровье народа, в этом мера его социальности. Совесть — эта святая ценность хранится и живет в делах, мыслях и чувствах самого народа. Знаю, ведаю, соблюдаю и убеждаюсь в его исключительной необходимости. Совесть, как неотъемлемый элемент культуры общества есть важное качество его социальности. Реализация закона социального соответствия есть проявление культуры совести, т. е. ее наличие и действие в обществе. Осознание моральных знаний происходит на каждом историческом этапе, обществом и людьми, постепенно выкристаллизуясь общечеловеческие ценности, знания, закрепляя их правовыми нормами жизни и деятельности людей.

Общечеловеческие нормы становятся отправными принципами совести, культуры. Однако люди, составляющие общество, неоднородно. Исторически и социально различен уровень знаний и их осознание. Так, совесть дворян и совесть простого народа протекает на различных уровнях социально-сословной жизни. Одни служат Отчизне, царю, другие верны своим традициям, третьи своим хозяевам, но суть совести в том, что все должны честно, доброжелательно и ответственно относиться не только к профессиональным обязанностям, но и обязаны выполнять общечеловеческий долг социальности. Совесть как закон социального соответствия установлен для всех социальных групп и сословий, но осознание и исполнение его различно. Человек наделен свободой выбора, воли и может действовать в своих личных интересах. Человеку свойствен разумный эгоизм — больше помышлять о себе, чем о других. Поэтому проявление культуры совести социального соответствия неоднозначно.

Сегодня культура совести, социальное соответствие личности воспитывается, формируется всем укладом жизни нашего общества и государства.

Накопленный человечеством материал о совести, о ее моральной вездесущности и нравственном ее проявлении дает право говорить о такой области знаний как совестология, о её структуре и всем набором требований, о ее реальной необходимости и функционировании. От совести коллектива, общества к совести индивида и от него к совестологии как науке о культуре совести, как субфилософской науке.

Список литературы:

1. Егоров А.В. Совесть как культурно-цивилизированный регулятор поступочной деятельности личности. Иркутск; Изд-во Иркутского ун-та, 2005. — 256 с. /Монография.
2. Егоров А.В. Культура совести (социально-философский анализ). Иркутск: ИрГУПС, 2013. — 132 с. /Монография.
3. Егоров А.В. Совесть в воззрениях Г.В.Ф. Гегеля как актуальная проблема современности. Журнал. В мире научных открытий. Научно-инновационный центр Красноярск, — 2010. — № 2 — ч. 2. — с. 105—108.
4. Егоров А.В. Категория культуры совести в системе социально-философского знания. Журнал. Культура Наука Образование. Иркутск: ИрГУПС, — 2014. — № 4. — с. 28—46.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК ЮГА УКРАИНЫ XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Сидоренко Татьяна Валериевна

*преподаватель Николаевского филиала
Киевского национального университета культуры и искусств,
магистр книговедения и издательской деятельности,*

Украина, г. Николаев

E-mail: tatyana_tvs@yahoo.com

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF LIBRARIES IN THE SOUTH OF UKRAINE IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY

Tatyana Sydorenko

*lecturer of Nikolaev branch of Kiev National University
of Culture and Arts, master of bibliology and book publishing,
Ukraine, Nikolaev*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы особенности культурно-просветительской деятельности библиотек Юга Украины XIX — начала XX столетия. Определены формы культурно-просветительской деятельности библиотек, дана социокультурная характеристика данного периода.

ABSTRACT

The article analyses the features of cultural and educational activities of libraries in the south of Ukraine in the 19 of the 20th century. The forms of cultural and educational activities of libraries are determined, sociocultural characteristic of the designated period is given.

Ключевые слова: культурно-просветительская деятельность; массовая работа; библиотека; Юг Украины.

Keywords: cultural and educational activities; mass work; library; the south of Ukraine.

Становление и развитие культурно-просветительской работы библиотек Юга Украины в XIX — начале XX века было обусловлено общественно-политическими и культурными факторами, возникновением потребностей населения региона в чтении и получении информации по различным отраслям знаний, которые были продиктованы развитием промышленности, сельского хозяйства, потребностями просветительской деятельности и др.

Следует отметить что важным моментом в развитии культуры региона стала издательская деятельность, ведущая свой отчет на Юге Украины (территории нынешних Одесской, Николаевской и Херсонской областей) с конца XVIII века. В 1798 г. по инициативе адмирала С. Мордвинова была открыта типография в г. Николаеве при адмиралтействе Черноморского флота [6, с. 37].

Издания Николаевской типографии предназначались, главным образом, для потребностей флота и штурманской школы. Поэтому печаталась морская, военная, техническая, медицинская, сельскохозяй-

ственная и художественная литература. Позже были открыты типография в Херсоне (1807) и Одессе (1813).

Знаменательным явлением стал выход в 1824 году в Одессе первой газеты на Юге Украины — «Одесский вестник», основателем которого стал граф Михаил Семенович Воронцов. Немаловажное значение имело появление официальной газеты «Херсонские губернские ведомости» (1838), экземпляры которой бережно хранятся в областных универсальных научных библиотеках Юга Украины. В издаваемых газетах печатали информацию о книгах, о деятельности библиотек, книжных магазинов, объявления о проводимых мероприятиях.

Первые «библиотеки для чтения», появившиеся на Юге Украины в Одессе, стали заниматься распространением литературы и выступили одним из основных источников читательского спроса населения. Читатели библиотек имели возможность за плату или залог пользоваться библиотекой. В «библиотеке для чтения» можно было взять книгу на сутки, заплатив за нее 5—10 копеек (за чтение), а после вернуть в библиотеку.

Формами привлечения населения к литературе и чтению можно считать: создание кабинетов для чтения периодических изданий (за плату); создание при книжных магазинах библиотек для чтения («Библиотека для чтения М. Клочкова»); определение графика работы библиотек с 8 часов утра до 8 часов вечера; выпуск печатных каталогов. Отметим, что печатные каталоги имели очень большое значение. Так, «Каталог книгарні і бібліотеки М. Клочкова» [1] имел около 1000 описаний книг и журналов по различным отраслям знаний, выдаваемых на дом для чтения. Кроме того, книги можно было купить.

Читательские запросы интеллигенции удовлетворялись частными библиотеками. Так, только в первой половине XIX века в Одессе функционировало 5 частных библиотек, а во второй половине этого же столетия 5 библиотек было создано в Николаеве и две частные библиотеки в Херсоне. Среди известных библиотек того времени можно назвать: коммерческую библиотеку при книжном магазине Ж. и Е. Геллеров; книжную лавку с библиотекой Д. Ловко; книжный магазин и библиотеку для чтения В. Красинской; библиотеку И. Шапиро и М. Радингера; «Библиотеку русских, немецких и английских книг и журналов современности А.И. Бортневского» и др. Для удовлетворения массовой читательской аудитории «Библиотека А.И. Бортневского» выписывала отечественные и иностранные периодические издания [2], которые оказывали большое влияние на качество комплектования фонда и возможности проведения просветительской деятельности. Нельзя не отметить и создание этой библиотекой

печатных каталогов, которые в тот период выполняли несколько функций: образовательную, просветительскую, информационную, поисковую. В этих каталогах были представлены описания книг и периодических изданий, алфавитный список авторов с соответствующими ссылками и алфавитный перечень изданий за год.

Следует отметить, что деятельность частных библиотек Юга Украины была направлена на воспитание культуры, осуществление просветительской деятельности, развитие чтения как необходимого процесса. Библиотеки смогли распространить знания о библиотеке, дать информацию о фонде, выступить основным элементом удовлетворения массовой читательской аудитории, заявить о себе в социокультурном пространстве того времени.

Важным событием культурного развития Юга Украины стало появление общественных библиотек, даты создания которых приходятся на XIX столетие.

Первая общественная библиотека была открыта в Одессе в 1830 году, получила поддержку у местного населения, которое собирало деньги для пополнения ее фондов, а информация о таких пожертвованиях подавалась библиотекой в местной газете. Книги выдавались бесплатно, что, безусловно, способствовало привлечению населения в библиотеку. Также, следует заметить, библиотека проводила культурно-просветительскую работу. Архивные материалы дают возможность выделить такие ее формы: мероприятия к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, выставки изданий по различным отраслям знаний.

Последняя треть XIX века была периодом активизации культурно-просветительской деятельности в стране. В этот период, в 1872 году, была основана Херсонская общественная публичная библиотека, которая использовала различные формы культурно-просветительской деятельности: популярные лекции, концерты, музыкально-литературные вечера, посвященные писателям, художникам, музыкантам, ученым. В активизации культурно-просветительской работы библиотеки следует отметить деятельность В.К. Шенфинкель, известного библиотекаря, члена Совета библиотеки. При ее участии проводились мероприятия к годовщинам памяти Т. Шевченко, А. Герцена, праздник книги «Парижская коммуна», литературные вечера, громкие чтения, вечера «живой» библиографии и художественного чтения, экскурсии по библиотеке [8]. Библиотекой было предложено нововведение — это 20 бесплатных читательских билетов для наиболее бедных слоев населения, что безусловно, способствовало доступности чтения

и библиотеки, созданию позитивного имиджа библиотеки, повышению ее популярности.

И еще одна общественная библиотека была открыта в г. Николаеве в 1881 году с разрешения власти, с целью популяризации произведений печати, помощи читателям в самообразовании. Библиотека организовывала разнообразные мероприятия: литературные вечера, чтения, платные концерты, представления. А с 1901 года в общественной библиотеке стали проводить публичные лекции. Первая публичная лекция проведена 9 января 1901 года в зале Николаевской общественной библиотеки. Тема лекции посвящена курсу анатомии и физиологии. В целом, за 1901—1902 годы, были прочитаны лекции по 10 предметам, но наибольшее их количество — по химии — 16 лекций, биологии — 6 лекций, зоологи — 9. Количество слушателей колебалось в среднем за год от 1403 (по химии) до 768 человек по биологии и зоологии [7]. В программу лекций по художественной литературе вошли сочинения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Островского, А. Чехова, В. Вересаева. Лекции проводились работниками библиотеки и приглашенными специалистами (учителями, инженерами, врачами и др.). Несмотря на то, что лекции проводились не регулярно, они выполняли просветительскую функцию, необходимую для библиотечной деятельности того времени.

Интересной и необходимой формой популяризации знаний стали народные чтения. В 1909 году Николаевская общественная библиотека провела первое такое народное чтение [5, с. 35], где чтением выступил И.Б. Мандельштам.

Привлекает внимание тот факт, что практически во все времена использовали имя, популярность известных деятелей для проведения мероприятий, для руководства библиотеками, что способствовало повышению не только качества, но и интереса к мероприятиям, проводимым библиотеками, а значит и популяризации библиотек. Какие же произведения были прочитаны с помощью такой формы работы? В отчете библиотеки указано, что среди прочитанных произведений при проведении различных чтений были прочитаны повести А. Чехова «Хамелеон», «В овраге», «Нилим», «Хирургия», «Унтер Пришибеев», «Тоска», «Неудача», отрывки из поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», отрывки из сочинений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М. Горького [6, с. 15]. Дополнением к народным чтениям появилась такая форма, как музыкальное утро, с помощью которой привлекали «малокультурных слушателей» к восприятию музыки, развитию художественного вкуса. Такие мероприятия открывались информацией о композиторе, о его творчестве, о концертной

деятельности. В отчетах библиотек такая информация названа рефератами, которые зачитывались перед аудиторией [6, с. 22], и только потом известные музыканты, вокалисты города, края (или приглашенные) исполняли музыкальные произведения. Впоследствии, по примеру музыкального утра, была создана такая форма популяризации знаний, как литературное утро [7, с. 6]. С целью повышения уровня грамотности населения библиотеками Юга Украины использовались народные чтения, изучались периодические издания, читателей привлекали к чтению произведений художественной литературы. Следует заметить, что культурно-просветительскую работу проводили библиотеки всех видов, создаваемых на территории края, общества «Просвещения» Одессы и Николаева, благотворительные общества. Так, наличие в фонде библиотеки-читальни общества Одесского «Просвещения» коллекции книг педагога и историка Л. Смоленского, а также украинских периодических изданий способствовало распространению знаний по различным отраслям, популяризации художественной литературы. Работники библиотеки проводили литературно-музыкальные вечера, участвовали в организации публичных лекций. Определенную роль сыграли и библиотеки Комитета народной трезвости, имеющие в своих фондах литературу по различным отраслям знаний и пользующиеся популярностью у трудящихся.

Многонациональный Юг Украины создавал условия и для развития культуры и языка народов, проживающих на его территории. Так, библиотека «Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы», имея богатый фонд, стала хранилищем национальной культуры, выделяла бесплатные абонементы, проводила выставки литературы и массовые формы работы: вечера, встречи с писателями и учеными, беседы. А выдаваемые библиотекой каталоги еврейских библиотек, работающих в г. Одессе: Каталог книгам и журнальным статьям Библиотеки «Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы» (1888); Каталог Библиотеки Одесской еврейской больницы (1894); Каталог Библиотеки Одесского отделения общества распространения просвещения между евреями в России (1903); Каталог библиотеки Общества взаимопомощи торговых агентов и торговцев евреев г. Одессы (1909) сыграли большую роль в популяризации литературы, формировании культуры и духовности еврейского народа, возможности читать литературу на национальном языке.

Таким образом, можно констатировать, что культурно-просветительская деятельность библиотек XIX — начала XX века претерпела определенную эволюцию форм и содержания. Это были

выставки и концерты, научные лекции, популярные народные чтения, музыкальные и литературные утра, музыкально-литературные вечера, посвященные писателям, художникам, музыкантам, ученым, мероприятия по празднованию юбилеев библиотек, экскурсии по библиотекам. Особое внимание уделялось комплектованию фондов библиотек, изданию печатных каталогов. В целом, культурно-просветительская деятельность библиотек Юга Украины способствовала формированию духовного и культурного мировоззрения населения края.

Список литературы:

1. Боровой С.Я. «Библиотека чтения» Н. Ключкова [Из истории библиотек в начале второй четверти XIX века] / С.Я. Боровой // Библиотеки СССР. Опыт работы. М., — 1957. — Вып. № 7. — С. 131—140.
2. Історія міст і сіл України. Миколаївська обл. К., 1971. — 771 с.
3. Крип'якевич І.П. Історія України / І.П.Крип'якевич. Львів: Світ, 1990. — 520 с.
4. Отчет Николаевской общественной библиотеки за 1902 г. Николаев, 1903. — 19 с.
5. Отчет Николаевской общественной библиотеки за 1909 г. Николаев, 1910. — 52 с.
6. Отчет Николаевской общественной библиотеки за 1910 г. Николаев, 1911. — 48 с.
7. Отчет Николаевской общественной библиотеки за 1911 г. Николаев, 1912. — 41 с.
8. Сільванський С.О. Віра Костянтинівна Шенфінкель / С.О. Сільванський // Журнал бібліотекознавства та бібліографії. — 1930. — № 4. — С. 68.

КОММЕРЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ГАЛЕРЕИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ УЧАСТНИК АРТ-РЫНКА РОСТОВА-НА-ДОНУ

Фиськов Анатолий Анатольевич

аспирант кафедры искусствоведения

Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,

РФ, г. Ростов-на-Дону

E-mail: aaf2308@yandex.ru

COMMERCIAL ART GALLERIES AS IMPORTANT ACTORS OF THE ART MARKET IN ROSTOV-ON-DON

Fiskov Anatoly

*graduate student of Arts
St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В отличие от других видов коммерческой деятельности, художественный рынок в России находится на стадии формирования. В данной статье автор рассматривает роль коммерческих организаций в развитии художественного рынка Ростова-на-Дону, а также определяет ряд условий для дальнейшего развития данной сферы коммерческих отношений в Ростове-на-Дону.

ABSTRACT

Unlike other businesses, the art market in Russia is in the process of formation. In this article the author examines the role of business organizations in the development of the art market in Rostov-on-Don, and also defines a set of conditions for the further development of this sector of commercial relations in Rostov-on-Don.

Ключевые слова: художественный рынок; художественная жизнь; профессиональное художественное образование; высшие учебные заведения; изобразительное искусство; коммерческие художественные галереи.

Keywords: art market; art life; professional art education; higher education; fine art; commercial art galleries.

Рассматривая значение самого понятия, художественный рынок или арт-рынок (art-market) следует отметить, что это система культурных и экономических отношений, определяющих:

- сферу предложения и спроса на произведения искусства;
- денежную стоимость произведения искусства;
- ряд специфических услуг, связанных с обслуживанием этого рынка.

В этом контексте различают мировой, национальный и региональный художественные рынки. При этом, каждый из них имеет свои особенности ценообразования в зависимости от множества факторов как экономического, так и культурно-эстетического характера, влияющих на него.

Художественный рынок Ростова-на-Дону, хоть и находится на стадии формирования, тем не менее, следует отметить, что богатое художественное и культурное наследие Дона создает более чем благоприятные условия для этого.

В связи с этим, крайне актуальными являются исследования, посвященные изучению данного явления. Так, задачами данной статьи являются:

- освещение деятельности активных участников художественного рынка, таких как коммерческие галереи;
- анализ их коммерческой, ценовой и выставочной политики;
- характера их взаимодействия с другими культурными и общественными институтами, участие в художественной жизни города Ростова-на-Дону.

Как отмечает Николай Егоров, почетный председатель ростовской областной организации Союза Российских писателей: «Чем только не знаменит Дон на всю Россию, на весь мир! И в том числе немеркнущими произведениями кудесников кисти, карандаша, резца. Встают в памяти имена, которыми гордимся мы, гордимся по праву наследников или современников. Николай Дубовской, Иван Крылов, Митрофан Греков, Мартирос Сарьян, Сергей Корольков, Григорий Шилтян, Александр Лактионов, Виталий Вучетич, Тимофей Теряев, Валентин Щебланов, Семен Скопцов» [2, с. 12].

И действительно, большое количество музеев, художественных галерей, а в особенности учебных заведений, готовящих специалистов художественного профиля, во многом обеспечивают активную художественную жизнь Юга России.

Как отмечает известная искусствовед Ю.Л. Рудницкая, работа Ростовского отделения Союза художников всегда исполнялась на высшем уровне. «Творческая требовательность и непримиримость к появлению описательных, поверхностных, сделанных равнодушной рукой произведений становятся нормой художественной жизни Дона, и в этом залог создания яркого, оригинального творческого лица коллектива» [3, с. 231].

Тем не менее в современном мире рыночных отношений художник лишается стабильной государственной поддержки, организованной творческим профессиональным объединением. Необходимым стало искать новый рынок сбыта произведений искусства.

Такие способы реализации стали предлагать первые коммерческие художественные галереи, что привело к становлению художественного рынка на Юге России.

Такой вид деятельности предполагает отличный подход. Как отмечает Т.Е. Шехтер, «ценностные представления художника

зависят от ценностных ориентаций социальной группы, представителем которой он является, от степени самостоятельности его творческой индивидуальности, уровня его эстетической культуры, личного опыта; они являют диалектическое единство универсальных ценностных представлений, специфических, детерминированных конкретной исторической эпохой, национальной принадлежностью, эстетическими установками художественного направления, в русле которого разворачивается творчество художника» [9, с. 271].

Сейчас в Ростове работает ряд успешных галерей. Среди них: «Русская национальная галерея духовной живописи», «Ренессанс», «Экспозиция», имеющая два отделения, «Золотой жук», «Елисейские поля», «NNN, художественная галерея», она же является частой галереей художника Николая Полющенко, «М-галерея».

Рассмотрим более подробно деятельность наиболее значимых и масштабных галерей из этого перечня и то, как они осваивают и формируют качественно новую среду.

По замечанию исследователя художественного рынка П. Досси, основной спецификой художественного рынка является то, что «...произведение искусства — это объект, извлекающий ценность из собственной сути. Эта ценность не зависит от религиозного значения, политической выгоды, финансового потенциала. Произведение искусства — это воплощение творческой энергии одиночки и, тем самым, символ главного идеала нашей культуры: свободы личности. Рынок, напротив, является местом обмена товаров, где вещь приобретает ценности в акте обмена. Рынок сводит ценность произведения искусства к сумме денег, которую покупатель в данный момент готов за него заплатить» [1, с. 24].

Это необходимо учитывать для того, чтобы проанализировать основные тенденции на художественном рынке Ростова-на-Дону, а также сходства и различия в коммерческой направленности галерей. Для этого необходимо также выявить, существует ли какое-либо отличие в предпочтениях галерей и их посетителей, а также существует ли индивидуальная ориентация галерей на определенный художественный стиль или направление или ассортимент везде одинаков.

Итак, одна из новых коммерческих галерей, появившихся в Ростове, — «Русская национальная галерея духовной живописи». Само название галереи призвано придать ей особую значимость, как ценности национального значения. Отличительной чертой является также и «духовная» тематика. Это в некоторой степени ассоциируется с традиционным искусством живописи и неразрывно связано с возрождением духовности и религиозности, характерной

для русской нации. Тем не менее, внимательно изучив практическую направленность данной галереи, можно прийти к выводу, что авторы несколько своеобразно трактовали понятие «национального» и «духовного».

Итак, по сути, галерея создана в поддержку сообщества, пропагандирующего духовное прозрение посредством эзотерического знания. Как значится в концепции галереи, в ней предлагаются «Небозорная Культура Окозоров, символы Русского Духа Российской цивилизации». Русская Национальная Галерея Духовной Живописи зарегистрирована как интеллектуальная собственность авторским каталогом № 196 16934 от 19.05.1992 года. Идейной направленностью данной галереи авторы считают сохранение и распространение Русского Духа Российской цивилизации в духовном пространстве Земли среди других цивилизаций и позиционируют эту идею как новое направление в образзительном искусстве. В этом аспекте они используют старинную символику славян, что, по их мнению, призвано активизировать национальное самосознание, помочь развитию духа.

Входящие в состав постоянной экспозиции работы принадлежат в основном двум авторами — Галине и Виктору Небозорным.

Работы, представленные в галерее, представляют собой декоративные изображения, выполненные красками. Как основные элементы в данных изображениях участвуют эзотерические символы. Эти работы, конечно, отличаются некоторой образностью и выразительностью, но рассчитаны на более чем узкий круг ценителей, что делает данный проект сомнительным с точки зрения коммерции. Ведь «в первую очередь галерист должен рассчитывать на ресурсы собственно художественной галереи. В «правильной галерее» основным источником дохода и финансирования считаются средства, полученные от продаж работ художников, экспонируемых в галерее» [8, с. 120].

Цены в данной галерее устанавливаются согласно желаниям самих авторов. И если сравнивать их с ценами в других галереях, то стоимость этих работ на 20 % ниже средней стоимости на работы аналогичного формата и выполненные теми же материалами и представленные в других галереях. Таким образом, можно говорить, что деятельность данной галереи в большей степени несет пропагандистские цели, нежели коммерческие.

Так как сам специфический характер произведений, а также уровень их исполнения и ассортимент галереи рассчитаны на узкий круг потребителей, это не позволяет признать данный коммерческий проект успешным с точки зрения бизнеса.

В значительной степени в этом отношении отличается галерея «Экспозиция», которая представлена в Ростове-на-Дону двумя филиалами, находящимися в разных частях города — небольшом в центре города (Кировский проспект, 55), а также на базе выставочного бизнес-центра Clever house (ул. Текучева, 139).

Идея и политика галереи четко указана на официальном сайте организации и формулируется как выдвижение на арт-рынок Ростова работ разных эпох, способных сформировать широкий круг потребителя-знатока, искушенного в вопросах эстетики. Политика галереи сводится к продаже живописи без посредников, что обеспечивает доступность широким слоям любителей искусства. Кроме этого, галерея предлагает услуги по оформлению художественных работ, интерьера, а также принимает заказы на изготовление портретов в разной стилистике. Основной составляющей ценообразования значится сложность композиции и рейтинг художника исполняющего заказ.

Целями руководства галереи, к которому относятся Б.К. Овчинникова, Т.И. Логунова и непосредственно владелец — А.К. Лаптев, являются:

- продемонстрировать зрителю первоклассную, качественную живопись для интерьеров и коллекционирования;
- предложить произведения искусства по минимальным ценам относительно цен, сформировавшихся на рынке произведений искусства.

Исходя из этого, галерея сотрудничает с художниками, получившими профессиональное художественное образование, чье творчество представляется на выставках различного уровня, в том числе и за рубежом. Среди них В.Ф. Коробов, О.М. Лусеменов, А.Р. Оганесян, И.В. Ребров, а также ростовские художники, представители старшего поколения, такие как Б.П. Бельмасов, В.М. Кленов, А.С. Кулагин, Е.Я. Покидченко, Б.С. Пустосветов, Т.Ф. Теряев, Н.А. Удальцова, В.П. Черноусенко, а также работы таких авторитетных художников, как О.Н. Майборода, В.Н. Рябчиков, а также многих других, в том числе и молодых живописцев. Всего около 70 человек.

Кроме ростовских авторов, в галерее представлены работы тех художников, которые живут и работают в Москве, Санкт-Петербурге, других городах ростовской области, а также Северного Кавказа. Для привлечения посетителей галерея регулярно проводит как персональные выставки художников, чьи работы экспонируются в залах галереи, так и целые вернисажи, посвященные той или иной тематике.

Также большое внимание руководство галереи уделяет оформлению экспозиций и интерьера. «Среда» обитания» произведений искусства — выставочное пространство является не физическимместилищем определенного количества вещей — единиц музейного хранения в их материальном проявлении, а пространством художественным» [5, с. 142].

Все это обеспечивает высокий рейтинг и посещаемость галереи, а следовательно, и приток клиентов. Все мероприятия проводятся на высоком уровне и получают свое освещение в городских средствах массовой информации, а также печатной продукции — буклетах, проспектах, афишах и каталогах.

Так, только за два последних года работы галерея повела более 25 выставочных проектов, среди них: персональные выставки Александра Федорова, Елены Мартенс, Артура Оганесяна, Романа Дмитриева, Сергея Потапова, Владимира Рябчикова, Владимира Чекмарева, Сергея Янченко, Анны Тарасенко, Игоря Реброва, Олега Майбороды, Сергея Потапова.

Анализируя характер творчества художников, работы которых представлены в данной галерее, можно сказать, что руководство делает упор на разнообразие стилей и жанров. В галерее представлены работы, выполненные в духе реализма (в основном это работы известных ростовских художников), а также декоративные работы, выполненные в традиционных жанрах, и беспредметные абстрактные композиции.

В галерее выставляются как работы «старой ростовской школы», так и молодых художников, уже активно ведущих выставочную деятельность, членов Союза художников РФ.

Ценовая политика галереи отличается значительной гибкостью, что проявляется в регулярном проведении акций и использовании скидок, а также рекламных акций. Например, в июле 2014 года галерея снизила цены на пейзажи, выполненные в реалистичной манере. Правда, данное снижение цен касалось лишь произведений молодых авторов, а не известных художников, основные работы которых относятся к 70-ым, 80-ым годам.

В целом можно говорить о том, что данные мероприятия позволяют повысить количество продаж, в то же время не ущемляя интересов художников, чья выручка остается неизменной и составляет около 70 процентов от заявленной в галерее стоимости работы.

Также руководство галереи постоянно занимается разработкой новых форм деятельности, направленных на привлечение посетителей и потенциальных покупателей. К принципиально новым для Ростова

методам работы коммерческих галерей можно отнести проведение открытых аукционов произведений графики и живописи, а также Рождественских Арт-базаров, на которых разные художники представляют работы на зимнюю тематику.

Еще одним методом привлечения публики, применяемым данной картинной галерей, можно назвать проведение тематических выставок, аналогичное тем, которые проводили раньше только музеи. Это такие выставки, как «Удивительный мир антикварной графики», выставка экспозиции современной и антикварной живописи «На перекрестке двух эпох» и многие другие. Подобные мероприятия позиционируют галерею не только как организацию, занимающуюся торговлей произведениями искусства, но и как сообщество авторитетных профессионалов, имеющих достаточную подготовку для организации работы с антиквариатом.

Именно эти новаторские решения в области развития художественного рынка на Дону позволили галерее «Экспозиция» не только приобрести статус ветерана в этой области, но и значительно расшириться и проводить работу в двух филиалах в центре города. На сегодняшний день данная галерея является лидером города в области коммерческой деятельности с предметами искусства.

Еще одной галерей, расположенной в центре города, является «Золотой жук». В отличие от «Экспозиции» галерея делает акцент на атмосферу камерности и старины, хотя общая политика данной галереи идентична рассмотренной выше, а именно: галерея представляет работы молодых художников и организывает их выставки, работает только с подлинниками, собирает и анализирует антикварные произведения, представляя их затем публике, оказывает помощь в оформлении интерьера, живописных и графических работ, содействует созданию корпоративных и частных коллекций при содействии авторитетных искусствоведов города и области.

Отличительной характеристикой данной галереи является повышенное внимание к работам ростовских художников конца двадцатого века, многие из которых позволяют восстановить неизвестные линии творчества ростовских художников, что имеет большое значение для всей художественной культуры донского края.

Еще одним успешным коммерческим проектом в области отечественного арт-рынка стала единственная в России французско-русская галерея, где представлены произведения как российских, так и французских художников — живописцев, графиков, скульпторов, прикладников. Это стало возможно при тесном сотрудничестве как культурно-образовательных организаций «Альянс Франсез», «Ату

Франс» и Комитета по туризму Лазурного Берега, так и непосредственно руководства самой галереи «Елисейские поля».

Так были организованы такие выставочные проекты, получившие широкий резонанс в местной прессе, как приуроченная ко дню Европы фотовыставка «Лазурный берег», а также выставка уникальных старинных фотографий «Пекин-Амур-Париж», выполненных французским путешественником Шарлем Вапро (1847—1925).

Среди других выставочных проектов данной галереи значатся персональные выставки молодых и авторитетных художников, таких как начинающая талантливая художница Екатерина Ляшко, уроженка Нижнего Тагила, живущая и работающая в Ставрополе, а также художника-прикладника, известного своими эмальями, Георгия Лиховида и Владимира Корначева.

Интерес данная галерея представляет также еще и благодаря тому, что это почти единственное место в Ростове, где можно видеть произведения современных французских художников. Среди них выпускница Гаврской Академии Изящных искусств Анне Фло, получившая свое профессиональное художественное образование в Университете Сорбонны, художница со звучным псевдонимом Арганте и другие: Ауд Си, Ауреа, Би Босс, Баррет, Бриджит Алиот, Бриджит Сонхаузер Мерк, Цирил Мари, Себрик Ван Йено, Ситзо, Клод Густин, Кома Десис, Деласус, Диес, Еллек, Еми, Евелин Биран, Фасо и Франк Воло.

Работы данных художников во многом отличаются от большинства работ российских художников, представленных в данной галерее, в первую очередь высокой степенью декоративности и абстрактности, а также привлечением разнообразных материалов и комбинированием техник, от печатного принта до живописи масляными красками и акрилом.

Большинство работ российских художников, представленных в галерее, выполнены как жанровые произведения, либо в декоративной манере, с персонажами, напоминающими иллюстрации детских книг, сказок, либо в духе реализма или импрессионизма. Так, разноплановая экспозиция и постоянно проводимые дополнительные мероприятия обеспечивают постоянный приток в данную галерею не только профессионалов и знатоков, но и широкой публики.

Следует также рассмотреть и деятельность «М-галереи». Основная политика данной галереи мало отличается от тех примеров, которые мы рассмотрели выше. Тем не менее среди других она выделяется своей направленностью на большие авторские проекты. В постоянной экспозиции галереи практически отсутствует широкий

ассортимент работ, возможно, это связано с технической стороной вопроса и ограниченностью площадей. Тем не менее, имея выгодное расположение, а именно — эта галерея находится в самом центре города, недалеко от учебных заведений художественного профиля и выставочного центра Союза художников, руководство делает ставку на проведение выставок-продаж работ одного художника. Благодаря хорошей рекламе и быстрой смене экспозиций, галерее удается привлекать к себе достаточное количество покупателей.

Кроме этого, галерея ведет издательскую работу и помогает авторам с печатью каталогов, буклетов и афиш. Также данная галерея тесно сотрудничает с искусствоведами города, и практически ни один выставочный проект, проходящий в ее стенах, не обходится без профессионального куратора. Это помогает галерее обеспечивать авторитетность своих мероприятий и высокий профессиональный уровень художников, сотрудничающих с ней. Также данная галерея тесно сотрудничает с художниками — представителями ультрасовременных направлений, комбинирующими в своем творчестве различные виды изобразительного искусства: моноспектакль Алексея Тимбула «Камыши дружбаны», коллективный проект «Superstes vici. Выжил и победил».

Также данная галерея тесно сотрудничает и учреждениями культуры. Так, она стала одной из площадок проведения масштабного всероссийского проекта Ночь Музеев, предоставив свои площади для проведения выставки Вадима Морозова и Митчелла Джонса “Russian Butterfly”, что также способствовало закреплению за галереей имиджа серьезной профессиональной организации.

Уникальным с точки зрения организации и политики развития является галерея Николая Полюшенко. Созданная одним человеком, галерея на данный момент содержит более 500 авторских оригинальных произведений художника, выполненных в разных техниках от печатной и оригинальной графики, акварелей и до масштабных полотен, выполненных в технике масляной живописи.

Несмотря на популярность, Николай Полюшенко всегда открыт к сотрудничеству и сам водит экскурсии по своей галерее, в которой охотно предоставляет место для выставок и другим художникам, обеспечивая при этом высокий организаторский уровень. Также Николай Полюшенко приглашает к сотрудничеству и дилеров в области изобразительного искусства, и тех, кто хочет ими стать, охотно предлагая практическую помощь. Можно сказать, что деятельность Николая Полюшенко — уникальный пример, даже в пределах России, когда художнику удалось одновременно состояться как дилеру

в области изобразительного искусства, и как высокопрофессиональному, творчески работающему мастеру.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы соответственно установленным целям данной статьи.

Во-первых, коммерческие галереи Ростова-на-Дону являются важнейшими участниками художественной жизни города, а также представляют новое направление в бизнесе, связанном со сферой искусства. О развитии данного вида коммерческой деятельности говорит значительное количество подобных коммерческих организаций в городе.

Ценовая политика галерей и их выставочная направленность во многом обеспечивают их коммерческий успех. Все галереи Ростова тесно сотрудничают как с музеями и университетами, так и прессой, освещая важнейшие события художественной жизни города. Также можно отметить, что наиболее успешные галереи, имеют довольно широкий ассортимент работы как в плане жанра, так и стилевых направлений.

Также галереи организуют различные маркетинговые акции, призванные привлечь покупателя. Это аукционы, выставки художников и творческих групп, скидочные акции, а также они оказывают целый спектр услуг, связанных с дизайном, оформлением интерьеров, а также выполняют индивидуальные заказы. Именно такой широкий спектр деятельности позволяет галереям быть конкурентно способными и повышать уровень прибыли.

Рассмотрев деятельность ростовских коммерческих галерей, можно прийти к выводу, что они не только активно участвуют в художественной жизни Ростова-на-Дону, но и в значительной степени определяют развитие арт-рынка в городе и области.

Список литературы:

1. Досси П. Продано! Искусство и деньги. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «издательство К. Тублина» 2011. — 288 с.
2. Ростовское областное отделение Всероссийской Творческой Общественной Организации «Союз художников России» 70 лет./под ред. О.В. Игнатова, С.Н. Олешни, В.А. Чаусова. Ростов-н/Д., ВОО «СХР» 2010. — 377 с.
3. Рудницкая Ю.Л. Художники Дона. Л.: Художник РСФСР, 1987, с ил., — 234 с.
4. Рязанов В.В. От первого приюта до наших дней, из истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону. Ростов-н/Д.: Изд-во ООО «Ковчег», 2011. — 156 с

5. Современное искусствоведение в системе гуманитарного знания/под науч. Ред. А.В. Карпова. СПб.: СПбГУП, 2012. — 356 с. — (Новое в гуманитарных науках; Вып. 58).
6. Ушакова Л.Г. «Из XX века в XXI век» Приложение к коллективной монографии преподавателей кафедры изобразительного искусства ХГФ ПИ ЮФУ «Актуальные проблемы художественно-педагогического образования». Ростов-н/Д., 2007, — 102 с.
7. Ушакова Л.Г. Художники-педагоги факультета изобразительного искусства Ростов н/Д.: 2009 г. — 26 с.
8. Художественный рынок: Вопросы теории, истории, методологии. СПб.: СПбГУП, 2004. — 232 с. — (Новое в гуманитарных науках: Вып. 13).
9. Шехтер Т.Е. Искусство и образ мира: Избранные работы по теории и истории искусства. СПб.: СПбГУП, 2012. — 392 с.: ил.

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ ДЕРБЕНТА

Гасанова Севинч Султановна

*доцент, канд. пед. наук, зам. директора
по научно-методической работе Государственный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник,*

РФ, г. Дербент

E-mail: sevinch05@inbox.ru

CONTRIBUTION OF OUTSTANDING RUSSIAN REPRESENTATIVES INTO HISTORY AND CULTURE OF DERBENT

Gasanova Sevinch

*associate professor, candidate of pedagogical sciences,
deputy of director on scientifically-methodical work
State historical-architectural and artistic museum-reserve,*

Russia, Derbent

АННОТАЦИЯ

В статье использован комплекс общенаучных методов исследования, а также метод исторического анализа, который предполагает изучение деятельности русских просветителей на фоне общекультурного процесса в Дербенте. Материал, полученный в результате научного исследования, расширяет знания о вкладе русского народа в историю и культуру города Дербента, об опыте и значении многовекового межкультурного и межэтнического взаимодействия народов России.

ABSTRACT

In the article the complex of scientific research methods is used as well as the method of historical analysis which involves the study of the activities of Russian educators against the background of the cultural process in Derbent. The material, obtained, because of scientific research expands knowledge about the contribution of the Russian people in the history and culture of Derbent,

on the experience and meaning of centuries-long intercultural and interethnic interaction between the peoples of Russia.

Ключевые слова: древний Дербент; русский; вклад в культуру; наследие; музей.

Keywords: ancient Derbent; russian; contribution to the culture; a heritage; a museum.

По своему торгово-экономическому значению в раннем средневековье Дербент не уступал крупным центрам Кавказа. Здесь процветали различные ремесла: портняжное дело, изготовление хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, ковроткачество, ювелирное дело и т. п. В городе было много караван-сараяв, крытых рынков. Из Дербента в Грузию поступали различные товары ремесленного производства. В Дербент съезжались купцы из Руси, которые торговали пушниной, в основном это были: бобер, соболь, белка [7].

Предположительно в 1458 г. — русский путешественник, писатель, тверской купец, автор знаменитых путевых записей, известных под названием «Хождение за три моря» купец Афанасий Никитин с купцами на двух судах отправляется из родной Твери в Ширванскую землю (на территории нынешнего Азербайджана). Из путевых записок Афанасия Никитина можно узнать о плавании русских купцов по Каспийскому морю, о торговле России с Дербентом, об описаниях самого города Дербента, о его людях, памятниках, о дипломатических отношениях России и Дагестана во времена Ивана III в XV веке [3]. Через 150 лет после Афанасия Никитина по его маршруту в Турцию и Персию через Дагестан прошёл другой русский купец — Фёдор Котов. В своём торговом дорожнике он рассказал и о городе Дербенте, его базарах, караван-сараях, о поразившей его грозной крепости Нарын-кала, о легендарной дербентской стене Даг-бары, которая уходила вглубь Табасарана, о быте и нравах местных жителей.

В начале XVIII века история и торгово-экономические связи Дербента и России были связаны с именем крупного государственного деятеля — Петра I Великого. Петр I высоко оценил значение Дербента, как центра транзитной торговли с восточными странами и его порта. Столь важное внимание к Дербенту объяснялось тем, что Россия вывозила из персидских провинций шелк-сырец, хлопчатую бумагу, шелковые и бумажные парчи, пшено и фрукты только через Дербент. Из России в страны Закавказья и Ближнего Востока через Дербент вывозились железо, свинец, порох, вино, табак и т.д. Торговые связи Дербента с Россией особенно усилились с 1723 года, когда дербент-

ские купцы были уравнены в правах с русскими купцами, а Дербент был признан российским городом, жители города – подданными России. Экономическая политика Петра I способствовала расширению внешней торговли с восточными странами, увеличению торгового оборота. Со времен похода Петра I началось разведывание и всестороннее обследование ресурсов и недр Восточного Кавказа. К примеру, Ф.И. Соймонов — русский навигатор и гидрограф, составил книгу «Описание Каспийского моря». Виднейшие сподвижники Петра I А.П. Волынский и А.И. Лопухин в своих «Журналах» подробно описали социально-экономическое и политическое состояние Дагестана и Ширвана в тот период. В результате пребывания Петра I в Дербенте научный мир впервые узнал о существовании рукописи истории Дербента — «Дербент-наме».

Вместе с Петром I Дербент посетил участник похода Д.К. Кантемир, который впервые дал описание города. Так, в Дербенте внимание князя Дмитрия привлекла древняя крепость «Нарын-Кала». Он внимательно осматрел ее, провел измерения, срисовал обнаруженные арабские надписи. В пути Кантемир вел литературный дневник. Вместе с описанием увиденного, в дневник были внесены записанные со слов населения легенды о городе и рассказы о его крепостных сооружениях. Записи Кантемира о дербентском старце Коркуте, которого многие тюркоязычные народы Кавказа и Средней Азии почитают как святого, являются первыми на русском языке.

Другой участник похода Петра I, подполковник артиллерии русской армии, И.Г. Гербер по заданию Петра I объехал побережье Каспийского моря с целью обозрения пути будущего похода русских войск, где он пробыл до 1728 г. Не обошел он вниманием и Дербентское владение. Раскрыл вопросы о границах ханства, занятиях и промыслах дербентцев, их торговых взаимоотношениях как внутри Дагестана, так и с Россией, странами Закавказья. И.Г. Гербер составил карту Восточного Кавказа, которая была издана Академией Наук в 1736 году [2].

Исследовательские работы, начатые при Петре I, впоследствии были продолжены другими учеными, такими как С. Гмелин, находившийся на русской службе, Н. Паллас, С. Броневский, Б. Дорн, Ю. Клапрот, П. Бутков, А. Гильденштедт, В.Н. Бакунин, П.Г. Булгаков, С. Соловьев и многими другими.

К концу 30-х годов XIX в. относится исследование Э.И. Эйхвальда, выдающегося русского естествоиспытателя, палеонтолога, академика, члена этнографического отделения Русского Географического общества. В 1825—1826 гг. он совершил путешествие по Кавказу и Каспийскому

морю, изучая фауну, флору и геологию этих мест, по результату которого написал книгу о фауне Каспийского моря [1].

В 1831 в Дербенте побывал В.Легкобытов, высокопоставленный чиновник из Санкт-Петербурга, который с группой ученых сделал обстоятельное описание города, стен крепости, а также ворот в южной и северной стене.

В верхней части Дербента, недалеко от древних крепостных ворот Орта-капы, и сейчас стоит каменный двухэтажный дом «о двух комнатах». Когда-то здесь жил зачинатель русской романтической повести, декабрист, ближайший сподвижник Рыльева и друг Грибоедова — А.А. Бестужев, прозванный в Дербенте Искендер-Бек. Именно к дербентскому периоду относится бурное пробуждение творческой деятельности Бестужева. Лучшими из повестей Марлинского считаются: «Фрегат Надежда», «Аммалат-бек», «Муллат-Нур» и «Страшное Гадание». К 1835 году современники ставят Бестужева в ряд лучших европейских писателей, ему отдается предпочтение даже перед А.С. Пушкиным. С 1988 г. в г. Дербенте открыт мемориальный Дом-музей «А.А. Бестужева-Марлинского», который является памятником федерального значения.

Большое влияние на развитие культуры народов Дагестана оказали русские школы, которые стали открываться здесь после присоединения к России. Открытие русских школ в Дагестане было связано с колонизаторской и русификаторской политикой царизма. В 1838 году в городе Дербенте было задействовано русское уездное училище, смотрителем которого был назначен титулярный советник Прозоровский. А в 1902 году в Дербенте по просьбам мусульман города открылось русско-татарское училище им. Гоголя по ул. Губернаторской (III Интернационала, д. 12). В результате приобщения народов Дагестана к передовой русской культуре появились и местные национальные кадры интеллигенции.

Наиболее полные и научно обоснованные планы Дербента были составлены в дореволюционный период известным русским ориентологом, профессором Казанского университета И.Н. Березиным, другом и соратником М. Казем-Бека, побывавшим в Дербенте в 1842 г. и использовавшим в своей работе многочисленные планы, выполненные русскими военными топографами. Он составил подробные планы города, описал быт и местные обычаи.

Г.Г. Гагарин — русский художник, архитектор, график, вице-президент Академии Художеств, член ученых обществ. Близкий друг М.Ю. Лермонтова, князь Г.Г. Гагарин, обладал незаурядным талантом художника. Многие его рисунки, известные в литографиях, посвящены

Дагестану. Его теоретические разработки нашли воплощение в архитектурных проектах, которые были использованы при сооружении церквей в Дербенте. К их числу относится Храм Георгия Победоносца, заложенный в г. Дербенте в 1849 году [4]. Другим известным русским художником был Д.А. Капаницын. Благодаря многогранности своего таланта, Капаницын иллюстрирует книги, создаёт декорации для театра, пейзажи, оформляет монументальное панно.

Среди работ, имеющих значение для изучения истории города Дербента, следует отметить труды Л.И. Лаврова «Этногафия Кавказа» и «Этнографические памятники Северного Кавказа», а также Л.Н. Гумилева, связанные с подводными исследованиями в Дербенте по изучению «морских стен».

Наряду с этим, важную роль в развитии производственных сил в Дагестане, в распространении здесь достижений науки сыграли передовые русские ученые, писатели, инженеры, врачи. Дагестан начали посещать и изучать его историю, культуру, языки, фольклор, адаты и обычаи, природу, фауну и флору такие ученые, как П.К. Услар, Д.Н. Анучин, А.И. Пирогов, В.В. Докучаев и др. Одним из крупнейших кавказоведов XIX века был П.К. Услар — русский военный инженер (генерал-майор), лингвист и этнограф, который не только внес огромный вклад в изучение и составление грамматики бесписьменных кавказских языков, но и явился основателем методики полевых исследований. В 1847 году в Дербенте побывал великий русский хирург, анатом, профессор Н.И. Пирогов, визит которого оказал значительное влияние на развитие местной медицины. В результате присоединения Дагестана к России местная молодежь получила возможность изучать медицину в культурных центрах страны.

В 1948 году Дербент посетил русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, князь М.С. Воронцов. Для обеспечения безопасности судоходства по западному берегу Каспийского моря кавказский наместник М.С. Воронцов признал необходимым построить в Дербенте маяк. Территория памятника и сам Маяк используется Министерством обороны РФ, Главным штабом Военно-морского флота России. Дербентский маяк — объект культурного наследия федерального значения.

Большую ценность представляют исследования профессора Московского Университета члена Российской академии наук — М. Ковалевского. В течение ряда лет он занимался вопросами семьи, рода, законов и обычаев горцев. Опубликованный в 1890 году двухтомный труд М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе» явился результатом многолетних исследований автора.

Первая попытка обобщить историю города была предпринята Е.И. Козубским, издавшим в 1906 г. к 100-летию присоединения Дербента к России книгу «История города Дербента» [5].

В 1935 году Дербент посетил Н.И. Вавилов — создатель современных основ селекции, генетик, географ. Личные наблюдения ученого были отражены в работе «Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития».

В начале 20-х гг. XX столетия организовываются исследования по изучению истории Дербента, его историко-архитектурных памятников, их учет и охрана. Одним из видных представителей научной деятельности в этой сфере был географ-краевед П.И. Спасский, по инициативе которого в 1926 году в Дербенте был создан первый и единственный на тот период в Дагестане Краеведческий музей. С 1935 г. он получил статус городского музея, а 1989 г. преобразован в Дербентский историко-архитектурный Музей-заповедник.

Работы Дербентской экспедиции Института истории, языка и литературы (ныне Институт истории, археологии и этнографии), начатые в Дербенте в 1971 г. под руководством А.А. Кудрявцева дали огромный материал по истории города и послужили основой для изучения истории Дербента XV—XVIII вв. [6].

Народная память связана с жизнью страны, города, сохраняя события великой исторической важности. В 1991 году по просьбе ветеранов ВОВ и по инициативе заслуженного учителя ДАССР, краеведа Г.А. Малкина в Дербенте был создан Музей «Боевая слава».

Список литературы:

1. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., в тип. С. Селивановского, — 1823. — Ч. 1. — 352 с.
2. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архив. материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. — 371 с.
3. Гусейнов Г.-Б.Я. Город тысячи легенд. Махачкала: Даг. Кн. издание, 1981. — 134 с.
4. Гусейнов Г.-Б.Я. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала: Юпитер, 2005. — 772 с.
5. Козубский Е.И. История города Дербента. Темихан-Шура. Рус. тип. В.М. Сорокина, 1906. — 468 с.
6. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. — 176 с.
7. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство 1974. — 183 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АНТРОПОНИМ «ИВАН» ВОКРУГ НАС

Татарникова Оксана Николаевна

аспирант Алтайского государственного университета,

РФ, г. Барнаул

E-mail: tatoksana@yandex.ru

ANTHROPONYM «IVAN» AROUND US

Oksana Tatarnikova

postgraduate student of Altay State University,

Russia, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены объекты действительности, в названии которых присутствует собственное имя Иван, определена его значимость для русской культуры. Объекты окружающей нас действительности, проанализированные в статье, не имеют аналогов в других культурах, а следовательно, и в других языках.

ABSTRACT

The article deals with the objects of reality, the name of which has its own name Ivan, it is determined its significance for Russian culture. The objects of our environment, which are analyzed in the article, have no analogues in other cultures and in other languages.

Ключевые слова: антропоним; Иван; иван-чай; языковая картина мира; иван-да-марья.

Keywords: anthroponym; Ivan; Ivan tea; linguistic view of the world; Ivan da Marya.

Имена собственные являются как знаками языка, которые изучает ономастика, так и знаками культуры народа, изучаемыми лингвокультурологией. Они были и остаются объектом изучения многих лингвистов, рассматривающих имя собственное с разных сторон: одних интересует его знаковая природа (В.А. Никонов, А.В. Суперанская и др.), других — связь с культурой народа (В.И. Супрун, Р.М. Рут и др.).

Вследствие того что некоторые объекты действительности становятся наиболее важными для народа, он выделяет их из ряда подобных, нарекает их значимыми для себя именами. Уже со времен В. фон Гумбольдта язык стал рассматриваться в неразрывной связи с явлениями действительности, фиксируя наше мировосприятие. Окружающие нас реалии отображаются с помощью языковых средств в сознании народа, где преломляются сквозь призму сложившихся традиций, особенностей отношения к окружающему нас миру, в результате чего и складывается языковая картина мира: «с одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяет их сознание и поведение, что находит отображение в языке, прежде всего в семантике и грамматике. С другой — человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который в известной мере детерминирует человеческие структуры мышления и поведения» [1, с. 255].

Имена собственные занимают в системе языка особое положение, что преломляется и на языковую картину мира, они, называя реалии, делают их узнаваемыми для носителей языка, в то время как «не посвященные» в культуру народа могут не понимать всего смысла называемого, глубину скрытых культурных коннотаций. Носители языка обладают определенным фоновым знанием, благодаря которому они легко понимают, кодируют сами и декодируют элементы действительности, окружающие их.

Для того чтобы обосновать значимость собственного имени *Иван* в русской культуре и то, что оно занимает важное место в ономастическом поле русского народа, мы обратились к словарям энциклопедического характера с целью нахождения реалем (узнаваемых для носителя определенного языка, определенной культуры фрагментов действительности, закрепленных в языке), в названии которых присутствует лексема *Иван*. В настоящей статье мы рассмотрим лишь некоторые реалемы, являющиеся наиболее значимыми, с нашей точки зрения.

Иван — широко распространенное имя собственное в России, оно является культурно значимым для носителей русского языка. Также неоспорима национальная значимость имени, пронизанная коннотациями русской культуры.

В первую очередь, личное имя Иван отсылает нас к таким понятиям, как *Иван-царевич*, *Иван-дурак*, *братец Иванушка*, являющимся прецедентными именами. В словаре русской ономастики О.Н. Трубачев дает следующее значение прецедентному имени: «"воплощенное" имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенционально (денотативно)» [4, с. 23]. Иван-царевич и Иван-дурак — автономные имена, потому как они не привязываются к конкретному тексту, а отсылают к определенному узнаваемому образу. Это положительный, идеализированный образ, справляющийся со всеми трудностями и достигающий своей цели. Несмотря на его положительную оценку, он может обладать и такой характеристикой, как «неумный человек» (*Иван-дурак*), в целом, однако, не влияющей на его целостный образ. Даже его недалекие умственные способности не оцениваются носителями языка как негативные, так как они присущи Ивану из-за возраста (младший в семье), а тем, кто нас младше, мы готовы многое простить, все приходит со временем, перерастая в опыт, в том числе и умственное взросление.

Иван-царевич и Иван-дурак — как правило, сказочные персонажи, однако в силу своей прецедентности получили определенное значение положительного героя. Так, носители русской культуры, владеющие русским языком, мыслящие на нем, понимающие стереотипы, нередко называют Иваном-дураком простоватого, недалекого ума человека.

Следующий фрагмент действительности, в названии которого присутствует антропоним *Иван*, — хорошо знакомый нам с детства *ванька-встанька*. Это реалема своего времени — советского периода, распространена она была в основном на территории СССР. Со сменой эпохи ушла в забвение и эта реалема.

Современный толковый словарь русского языка обозначает ванькой-встанькой детскую игрушку-неваляшку, а С.И. Ожегов дает следующее определение: «куколка в виде круглой или овальной фигурки, которая из-за находящейся в нижней ее части тяжести всегда встает, как бы ее ни положили» [3, с. 65]. Эта детская игрушка воплощает в себе такую черту русского характера, как стойкость: как бы тяжело ни было русскому человеку, с какими бы трудностями

он ни столкнулся, он обязательно найдет выход из положения. К тому же игрушка была сделана из недорогого материала, в силу чего была доступной для каждой семьи, имеющей детей.

Рисунок 1.

Самое распространенное имя собственное в России дали самой популярной игрушке. Антропоним образован с помощью суффикса *-к*, который говорит о характере его носителя как о простом человеке, отчасти простофиле. Также форма имени соответствует народно-разговорному стилю, что подтверждает принадлежность его носителя к народной стихии, культуре этноса.

Один из способов названия населенных пунктов — с помощью имен собственных, часто в честь основателей. Так, *Иван* входит в состав топонима *Иваново*, которому новейший энциклопедический словарь дает следующее определение: «город в России, центр Ивановской области, в 318 км к северо-востоку от Москвы» [2, с. 457].

Рисунок 2.

Для русского народа этот топоним является культурно маркированным, так как в его значении присутствует такая дифферен-

цирующая сема, как «город невест», делающая его узнаваемым для русского человека. Дополнительное значение обусловлено спецификой жизнедеятельности города, так как основную часть населения составляют женщины, работающие в текстильной промышленности, являющейся ведущей в городе. Таким образом, он получил с помощью метафоризации свое значение «город невест».

Собственное имя *Иван* легло в основу многих онимов. Так, широко известен фитоним *иван-да-марья*, использующийся для названия травянистых растений с двойной окраской, как правило, сине-желтой. Новейший энциклопедический словарь дает следующее толкование: «марьянник дубравный, однолетнее полупаразитное травянистое растение рода марьянник. Синяя или фиолетовая окраска прицветников контрастирует с желтым венчиком цветков. Распространен в Европе, в листовенных лесах, на сырых торфянистых лугах. Семена ядовиты» [2, с. 456]. По народной легенде, не зная о том, что они являются братом и сестрой, парень и девушка полюбили друг друга и, будучи в неведении, поженились. Затем, чтобы никогда не расставаться, узнав о своем греховном поступке, они превратились в цветок. Два цвета символизируют два начала — мужское и женское.

Рисунок 3.

Для русской традиции семейные отношения играют важную роль, организуя своего рода микрокосмос человека, согласно им строятся и общественные традиции с превалированием мужского начала. В русской семье основоположником рода является мужчина, он же становится главой государства. Не случайно первую составную часть фитонима занимает мужское имя *Иван*.

Рассмотрим еще один всем известный фитоним — *иван-чай*, энциклопедический словарь определяет его как «многолетнее травянистое растение рода кипрей. В высоту достигает 1,2 м. Имеет

длинные соцветия красного или пурпурного цвета. Растет в светлых сухих местах, по опушкам лесов, на гарях, образуя сплошные заросли. Богат витамином С, микроэлементами. Молодые листья иван-чая издавна служили заменителем настоящего чая и готовились для этой цели в селе Копорье (Петербургская губерния), откуда и название «копорский чай». Используется в народной медицине. Один из лучших медоносов» [2, с. 457]. Из определения видно, что этот чай не считался настоящим, а его использовали как заменитель, то есть он не был специально выращен и собран с целью использования в процедуре чаепития, как привезенный чай. Его также называли «русский чай», чай, собранный в России, со временем стал очень популярен и заменял китайский и индийский, экспортируемый для высокопоставленных особ.

Рисунок 4.

В этимологии названия растения отсутствует значение, указывающее на характерные черты денотата (как, например, «подберезовик», потому что растет под березой). Самый популярный в России чай получил самое популярное мужское имя — *Иван*. Иностранцы незнакомых людей русской национальности называли Иванами. Этот антропоним отчасти является этнонимом, потому что обозначал целую общность людей, принадлежащих к единой этнической группе. Фитоним *иван-чай* по своей прагматической направленности (дифференциальной функции, которая выделяет и обозначает объект, наделяет его отличительной характеристикой) приравнивается к такому понятию, как «русский Иван», то есть в принципе русский человек.

Итак, важные для себя явления действительности народ персонифицирует, отождествляет с собой, наделяет своими характерными чертами. *Иван* — типично русский собирательный образ, с русским характером, со своим особым мировосприятием. Окружающая нас действительность — продукт культуры, названия, которые человек дает внешним объектам с помощью языковых средств, кодируют и декодируют фрагменты культуры. В статье мы проанализировали лишь часть объектов окружающей нас действительности, не имеющих аналогов в других культурах, а следовательно, и в других языках.

Список литературы:

1. Маслова В.А. *Nomo lingualis*: монография. М.: Гнозис, 2007. — 320 с.
2. Новейший энциклопедический словарь: 20000 статей. М.: АСТ: Астрель, Хранитель, 2007. — 1424 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. — 750 с.
4. Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. — 288 с.

2.2. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕОЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО)

Голикова Наталья Сергеевна

канд. филол. наук, доцент

Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара,

Украина, г. Днепропетровск

E-mail: centr_ukr.movi_DNU@i.ua

PRAGMATIC COMPONENT IN THE STRUCTURE OF OCCASIONAL MEANINGS OF NEOLEXEMES (BASED ON THE MODERN PROSE OF P. ZAHREBELNYI)

Holikova Natalia

candidate of Philology sciences, associate professor

of Dnipropetrovsk National University Oles Honchar,

Ukraine, c. Dnipropetrovsk

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — описание прагматических особенностей окказионализмов в современной прозе выдающегося украинского писателя П. Загребельного. С помощью компонентного анализа и лингвопрагматических методик в структуре окказиональных значений неолексем выделены прагматические компоненты, формирующие коммуникативные (прагматические) смыслы в сознании адресатов в процессе восприятия ими индивидуально-авторских новообразований. Сделан вывод о высокой степени прагматического потенциала множества окказиональных слов в романах «Зло», «Брухт» («Лом»), «Стовпотворіння» («Столпо-творение») П. Загребельного.

ABSTRACT

The purpose of the article is the description of pragmatic features of occasionalisms in the modern prose, the famous Ukrainian writer P. Zahrebelnyi. The pragmatic components that form the communicative

(pragmatic) meanings in the minds of the recipients in the process of their perception of individual-authors new-formation words are distinguished with the help of component analysis and linguopragmatic methodologies in the structure of occasional meanings of neoleksemes. It is concluded that a high degree of potential pragmatic set of occasional words in the novels of “Evil”, “Scrap”, “Pillars-creation” by P. Zahrebelnyi.

Ключевые слова: неология; окказионализм; окказиональное значение; прагматика; прагматический компонент; прагматический смысл; адресант; адресат.

Keywords: neology; occasionalism; occasional meaning; pragmatics; pragmatic component; pragmatic meaning; sender; addressee.

Изучение проблемы «обновления» языковой системы посредством неологизмов различных типов заметно активизировалось в языкознании второй половины XX — начала XXI века. В связи с исследованиями этого вопроса такими учеными, как А. Брагина [2], Е. Земская [11; 12], М. Калниязов [13], В. Лопатин [14], А. Лыков [15], Н. Фельдман [18], Э. Ханпира [19] и многими другими, в современной лингвистике возникли все необходимые предпосылки для формирования науки неологии, одним из важнейших направлений которой является комплексное описание авторского словотворчества. Индивидуальная речь, воплощенная, в частности, в художественной литературе, все больше привлекает внимание лингвистов, поскольку каждый настоящий писатель, обладая богатством образного мышления, зачастую создает «свои» языковые средства, помогающие вербально репрезентировать глубокие впечатления автора от восприятия внешнего мира. В украинской литературе, например, тяжело найти творческую личность, в художественно-письменном наследии которой не наблюдалось бы новообразований разной речевой направленности, отмеченных семантическими, структурными, деривационными, грамматическими и т. п. вариациями. Такие авторские неологизмы, как известно, закреплены в научной литературе целым рядом терминов, наиболее распространенным среди которых является специализированное название «окказионализм».

Цель нашей статьи — прокомментировать прагматические особенности окказионализмов в современных романах выдающегося украинского писателя Павла Архиповича Загребельного, имя и творчество которого известно далеко за пределами своей страны, выявить соответствующий компонент в значениях контекстуальных неолексем, а также с помощью лингвопрагматических методик

определить коммуникативный (прагматический) смысл окказионализмов в процессе взаимодействия автора (адресанта) и читателей (адресатов), опосредованного текстом.

В современном языкознании неологизмы, окказиональные и потенциальные слова, с одной стороны, дифференцируются как специфические неолексемы в языке и речи, а с другой — интегрируются в единую группу наименований, противопоставленных узуальным словам. Окказиональные лексемы, представляющие собой индивидуально-авторские новообразования, созданные по необычным или малопродуктивным словообразовательным моделям, лингвисты анализируют прежде всего с позиций дериватологии, а также лексикологии, лингвостилистики, социолингвистики и т. д. В рамках текстологии актуальной проблемой до сих пор остается исследование окказионализмов в художественном тексте. Существенный вклад в разработку этого вопроса в украинском языкознании внесли Г. Вокальчук [4], В. Герман [5], Л. Павленко [16], В. Чабаненко [20] и др., которые в основном изучают место авторских неологизмов в поэтическом контексте.

Художественно-прозаическое слово П. Загребельного в плане неологии тоже не осталось незамеченным. Так, структурно-семантическую и стилистическую специфику окказионализмов в творчестве писателя в своей диссертации прокомментировала Т. Юрченко [22], множество авторских новообразований послужили иллюстрациями в работах В. Чабаненко [20; 21], в двух статьях нами рассмотрены семантико-деривационные инновации и окказиональные парные сочетания слов в романе «Брухт» («Лом») [6; 7]. Однако, на наш взгляд, комплексное описание исследуемых неолексем требует рассмотрения их прагматического аспекта, поскольку окказионализмы выполняют функцию не номинативную, как у простых неологизмов, а характеристическую [3, с. 123]. «Вспыхивая» в тексте произведения как слова-зажигалки, слова-метеоры, они своим индивидуально-экспрессивным «свечением» постоянно обращают на себя внимание со стороны читателей, которые ищут в их семантике более глубокий подтекст, заложенный автором и спрогнозированный им для расшифровки адресатами.

Опираясь на основные теоретические положения лингвистической прагматики, которая сегодня актуализирует проблему человеческого фактора в возникновении и восприятии текста, его составляющих [17, с. 610], можно существенно приблизиться к раскрытию оценочной природы лексических новообразований, во многом определяющих специфику идиостиля П. Загребельного —

писателя, вошедшего в историю украинской литературы как талантливейшего прозаика, создателя известных исторических романов, а также повестей, рассказов, киносценариев, статей, рецензий и т. д. И все же лингвопрагматический анализ, в частности романистики П. Загребельного, по нашему мнению, нужно начинать с современной прозы, так как гражданская позиция писателя, высказанная в произведениях о «близкой истории», более понятна его современникам. Например, романы «Зло», «Брухт» («Лом»), «Стовпо-творіння» («Столпо-творение») и др., рассказывающие о советской действительности, о государственном строении самостоятельной Украины, прежде всего привлекают читателей, заставляют их по-своему оценивать описанные в романах события, с учётом собственного опыта и знаний.

В названных романах, послуживших источником для решения основной проблемы нашего исследования, все художественно-языковые средства значимы, автор-адресант использует их в качестве важных факторов коммуникативного влияния на читателей-адресатов. Очень высоким семантико-прагматическим потенциалом наделены в этих произведениях и окказиональные слова, которые зачастую помогают писателю высказать свое мнение о происходящем, максимально однозначно оценить события, тем самым достичь соответствующего восприятия описанных фактов и ситуаций читателями. Например, в контексте *Футбол став одним з масових психозів двадцятого століття. <...> Навіть легіони інфарктників, лікарєпоклонників, таблеткопоглиначів, вітамінодів міняють приймальню лікаря на дерев'яні трибуни стадіонів, забувають про свої хворощі, ревуть єдиним ревом: «Суддю на мило!»* [9, с. 349] выделенные окказионализмы, смоделированные по образцу нормативных производных слов посредством суффиксации и основосложения, сначала преимущественно вызывают улыбку (контекстуально-прагматическое влияние), а уже потом желание адресатов «покопаться» в их «странных» значениях, возникших вследствие необычного сочетания образующих компонентов (семантический анализ).

Как известно, в большинстве произведений, особенно в поэзии, неолоксемы, наделенные позитивно-оценочными оттенками, являются показателями высокого стиля речи. В современной прозе П. Загребельного таких окказиональных слов совсем немного. Например: *білоїнійний* [9, с. 271], *дивогляди* [9, с. 103], *нестомно* [9, с. 62], *розсміяний* [9, с. 44], *склоблискливий* [9, с. 38] и др. Писатель, в целом продуцируя множество индивидуальных неологизмов, создавал их, исходя из личных обостренных чувств — от любви к ненависти. Поэтому авторские неослова, к сожалению, в большинстве случаев

далеко не оптимистичны. В романе «Зло» (1962), например, разноструктурные семантико-деривационные окказионализмы очень точно «бьют в цель», характеризуют тех, кто мечтал «о новых прекрасных строениях, которые символизируют наше светлое будущее» [9, с. 3], счастливую жизнь советских людей. Отношение к общественному строю того времени художник слова, намного опережающий мнение масс, продемонстрировал рядом негативных идиолексем: *шпаргалкоскладальник, листоскладальник, імпресіоністи-гігієністи, міськкравівець, актики-пактики, твориво, хвалоці, перепере-перевірка, чепахологія, ерудознавство, наглиги, окарикатурити, розгромадянити* и т. д. Только сегодня, через больше чем полстолетия читатель наконец-то «добрался» до истинного смысла окказиональных слов, раскрывая их коммуникативно-прагматический потенциал, запрограммированный автором.

Оригинальное описание «близкой истории» суверенной Украины находим в двух последних, почти одновременно написанных романах — «Брухт» («Лом») (2002) и «Стовпо-творіння» («Столпо-творение») (2003). Роман «Брухт» («Лом») повествует о событиях 90-х гг. XX века, том периоде, который мог бы стать «переломным» в жизни Украины. Независимость, свобода, свежесть... — основные атрибуты обновленного государства. Однако продажность, вседозволенность для одних и преимущественная бедность для других «процветают» в Украине. Такое социальное положение в родной стране позволяет П. Загребельному создать роман-экспрессию, роман-оценку государственной власти, воплощенной в собирательном образе выдуманного «малого предприятия» с прозрачным названием «Куч-металл».

Роман «Брухт» («Лом») во всем инновационный. В нем прозаик, в отличие от большинства предыдущих своих произведений, пишет «сегодня о сегодняшнем», используя для раскрытия своих идей многочисленные словообразовательные типы окказионализмов, прагматический смысл которых, в сущности, сводится к общему знаменателю — разоблачить незаконные действия власть имущих, прекратить грабеж государственного оборудования на заводах. Как известно, окказиональные значения неолексем, возникающие только в рамках контекста, имеют индивидуальную структуру. Их компоненты с точки зрения семантики конвенциональны, в то время как прагматика — это не конвенциональные «приращения» к языковым знакам в процессе коммуникации [1, с. 29]. В анализируемом тексте авторские неологизмы объединены преимущественно одним и тем же прагматическим компонентом — «отрицательное отношение к происходящему». Даже вне контекста целый ряд несколько раз

повторяющихся окказионализмов (*плутократи, геронтократи, дідократи, дармократія, дурнократія, безум, повій, телебредхгрупа, телебредхуністи, телебредхні, ніби-людина, ніби-виготовляє, ніби-продукція, інсульт-привіт, Куч-метал, Крав-метал, Крав-брухт, економісти, юристи, генералюга, академаша, джипуха* и т. д.) интегрируется в общую группу названий людей и реалий, с подачи писателя в сознании адресатов-современников возникает прагматический смысл неодобрения, неприятия, справедливой критики. Возможно, в далеком будущем мнение читателей о прагматике таких авторских слов изменится.

В романе «Стовпо-творіння» («Столпо-творение») П. Загребельный сделал попытку создания иронической истории нашей современности. «Развивая демократию» в стране, которая живет от выборов до выборов, ее руководители создают «прочные» основы народовластия, которые один из *присидентів* воплощает в образе *стовпа* — национальной идеи и символа его народа. В связи с этим государство трансформируется в *Стовполандію* со своими *стовпоідеями, стовпотуцією, стовбільністю, стовповиробництвом, стовпознавством* и прочими «*стовпами*». Выдуманные автором окказиональные слова с частичным номинативным значением, не имеющие реального отношения к «денотату» *стовпу*, на каждой странице текста романа излучают невероятную прагматическую энергию, которая в восприятии читателей постоянно «движется» от иронии до сарказма. Например: — *Це мені ще більше до шмиги, — заявив присидент. — Хай отому стовпохвальцю, шо я сказав, буде національна премія, а для тебе я створю міністерство стовпо-перенайменувань, і ти в ньому — міністр. А звання: Стовпоноженко* [10, с. 47]; — *З режимами вже маємо контракти, — запевнив його Стовпчук. — Тепер тільки треба створити корпорацію «Интерстовп», щоб усе це юридично оформити* [10, с. 107]; — *Я ще подумав, що було б добре доручити нашим прославленим історикам Стовпину, Стовпю і Стовпурасу написати книгу «Стовпи щастя» для розповсюдження її за кордоном, — запропонував Головстовп* [10, с. 114] и т. д.

Роман «Стовпо-творіння» («Столпо-творение») является символическим воплощением не только авторского, но и народного невосприятия порочных действий со стороны власти. Поэтому прагматизм всех без исключения окказиональных слов в контексте (а их очень много) просто «зашкаливает», вызывая у читателей абсолютно одинаковую оценку — осуждение.

Таким образом, современная проза П. Загребельного характеризуется многочисленными разноструктурными окказионализмами,

наделенними індивідуальною семантикою і високою ступенню прагматического потенціала, котрий репрезентується общим прагматическим смыслом — отрицательным отношением к общественным порокам и к представителям власти, их порождающим.

Список литературы:

1. Бацевич Ф. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів: Паїс, 2010. — 336 с.
2. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей. М.: Просвещение, 1973. — 224 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
4. Вокальчук Г.М. Оказациональна номінація осіб в українській поезії 20—30-х років ХХ століття: автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 1991. — 23 с.
5. Герман В.В. Індивідуально-авторські неологізми (оказоналізми) в сучасній поезії (60—90-і роки): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 1999. — 22 с.
6. Голікова Н.С. Парні сполучення слів у романі «Брухт» П. Загребельного // Дослідження з лексикології і граматики української мови. Вип. 4. Дніпропетровськ: Пороги, 2005. — С. 15—22.
7. Голікова Н.С. Семантико-дериваційні інновації в романі П. Загребельного «Брухт» // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы II Международной научной конференции. Дніпропетровськ: Пороги, 2005. — С. 82—85.
8. Загребельний П. Брухт. Харків: Фоліо, 2003. — 254 с.
9. Загребельний П. Зло. Харків: Фоліо, 2008. — 384 с.
10. Загребельний П. Стівпо-творіння. Харків: Фоліо, 2005. — 288 с.
11. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 90—141.
12. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. — 221 с.
13. Калниязов М.У. Оказациональные и потенциальные слова в языке современной периодики (Суффиксальные имена существительные): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. — 19 с.
14. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказациональные образования. М.: Наука, 1973. — 152 с.
15. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказациональное слово). М.: Высшая школа, 1976. — 120 с.
16. Павленко Л.П. Складні іменники-оказоналізми в поетичному контексті // Українська мова і література в школі. — 1983. — № 8. — С. 33—35.

17. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник. – Полтава: Довкілля, 2008. — 712 с.
18. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. — 1957. — № 4. — С. 64—73.
19. Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972 — С. 245—317.
20. Чабаненко В.А. Основи мовної експресії. К.: Вища школа, 1984. — 165 с.
21. Чабаненко В.А. Стилїстика експресивних засобів української мови. Запоріжжя: ЗДУ, 2002. — 352 с.
22. Юрченко Т.Г. Оказіоналізми у творчості Павла Загребельного: структурно-семантичний і стилістичний аспекти: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2003. — 22 с.

КОНФРОНТАЦИОННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

Королёва Валерия Владимировна

канд. филол. наук, доцент

Днепропетровского национального университета им. Олесь Гончара,

Украина, г. Днепропетровск

E-mail: valeria.nagel@rambler.ru

CONFRONTATIONAL COMMUNICATIVE STRATEGIES IN DRAMATURGIC DIALOGUE

Korolova Valeriia

candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor

of Dnipropetrovsk National University Oles Honchar,

Ukraine, Dnipropetrovsk

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются конфронтационные стратегии манипулирования и языковой агрессии в диалогах персонажей пьес Сергея Щученко. Выделяются ядерные конфронтационные тактики, рассматривается процесс нарушения указанными тактиками принципа

вежливости и создания конфликтной коммуникативной ситуации путем угрозы положительному и отрицательному лицам адресата.

ABSTRACT

The article analyzes confrontational manipulating strategies and verbal aggressiveness in the dialogues of heroes of Serhiy Shchuchenko's plays. It identifies nuclear confrontational tactics, reviews the process of politeness destruction by above mentioned tactics and creation of a conflict communicative situation by threatening the positive and negative face of a narratee.

Keywords: confrontational strategy; manipulating; verbal aggressiveness; conflict; communicative situation.

Ключевые слова: конфронтационная стратегия; манипулирование; речевая агрессия; конфликт; коммуникативная ситуация.

Современные лингвистические исследования направлены на изучение текста и дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте. Актуальным в этом плане представляется анализ коммуникативных стратегий как комплекса определенных речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели.

Коммуникативную стратегию рассматриваем как когнитивный план общения, с помощью которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях нехватки информации о действиях партнера [2, с. 100]. В изучении коммуникативных стратегий одним из важнейших остается вопрос их классификации. Отметим, что на сегодня отсутствует общепринятая типология стратегий, что объяснимо динамикой и гибкостью коммуникативных стратегий, а также их зависимостью от контекста дискурса и речевых действий партнеров общения. Классификация по целевому критерию отражает деление стратегий на неконфликтные, направленные на достижение глобальной стратегической цели путем кооперации с собеседником и на совместное решение задач обмена информацией, и конфликтные, использующие конфликт с партнером по коммуникации для выполнения стратегических задач.

Рассматривая конфликт как результат динамической коммуникативной ситуации противостояния, уместным, на наш взгляд, является использование термина «конфронтационные» для стратегий, ориентированных на создание и поддержание таких ситуаций.

Цель нашей статьи — анализ конфронтационных стратегий персонажей современных украинских пьес; а также выявление специфики тактик, используемых при конфронтационных стратегиях.

Материалом исследования стали драматургические тексты современного украинского автора Сергея Щученко.

Конфронтационные стратегии демонстрируют установку говорящего против слушающего и ориентированы на активное достижение собственных целей без учета интересов партнера. Среди конфронтационных выделяют стратегии манипулирования и речевой агрессии [3, с. 11]. Соотносимой классификацией в аспекте лингвистической генологии является членение конфронтационных речевых жанров как категории организации языкового кода на категорично-побудительные, негативно-оценочные и инвективные [1, с. 9].

Конфронтационная стратегия манипулирования может выражаться в тактиках упрека, угрозы, возмущения, отказа, давления, требования и т. д. Указанные тактики направлены на захват коммуникативного пространства с целью навязывания партнеру своих интересов. В рамках манипуляционной стратегии часто объединяются тактики возмущения и упрека, например:

Аделаїда. Отож бо. Такі перспективи намічались, а ти взяла все оце і — тьху! — на вітер викинула. Ти ж просто начхала на нас. У душу наплювала. Без ножа зарізала. І хто ти після цього?

Олена. Ваша дочка.

Модест. Ні. Після того, що тут відбулося, ти нам більше не дочка («Зачаровані потвори»).

Стратегия речевой агрессии предполагает использование тактик оскорбления, иронии, критики, издёвки, провокации и т. д. Целью тактик речевой агрессии является выказывание негативной оценки адресата и снижение уровня его самооценки, например:

Арчибальд. Припинити безглузді запитання! Швидко на сцену! Глядач чекає... Чарлі, тобі що, потрібне окреме запрошення? Чи твій мозок зовсім очманів від преферансу?

Чарлі. Що? Який преферанс? Нічого не розумію...

Арчибальд. Барбаро, розрахуйте цього теленя («Давай пограємо»).

Среди ядерных тактик конфронтационных стратегий выделяют упрек, возмущение, угрозу, оскорбление, которые можно расположить по шкале повышения негативной коннотации от наименьшего (упрека) к наибольшему (оскорблению).

Конфронтация — это одностороннее противостояние в процессе речевого общения. При активизации конфронтационными могут быть как реплики-стимулы, так и реплики-реакции. Например:

Перець. Віддайте мої гроші. Я викличу міліцію!

Вейсман. Отаке. Я вже уявляю, як міліція зрадіє двом мерцям. Панове, навіщо нам оці міжнародні неприємності? Молодий чоловіче, вам мало мерців? Сядьте та заспокойтеся. Послухайте Яшу Вейсмана і вам від цього буде ліпше.

Сміт. Єс. А будеш, свиното, голос підвищувати, так я тебе миттєво віттарабаню, кастрюю, заріжу, руки-ноги повисмикаю, очі висмокчу, а кишківник на яйця намотаю. Грошей захотів? Фак тобі, а не гроші! Працювати треба! На плантації. У копальнях! У голові! Руками! Ногами. Всім та всюди! Зрозумів? («Фелічита»).

В приведенном примере использованная первым коммуникантом (Перцем) конфронтационная тактика угрозы является односторонней для реактивной реплики второго коммуниканта (Вейсмана), не отвечающего конфронтацией, и одновременно вызывает ответное противостояние у третьего коммуниканта (Смита), намеренно выбирающего тактики оскорбления, угрозы и давления с целью создания деструктивной коммуникативной ситуации.

Открытое использование конфронтационных стратегий обоими партнерами вызывает конфликтную ситуацию общения. В условиях конфликта конфронтационные стратегии отличаются использованием тактик с высокой степенью негативности, которые на пике конфликта превращают оскорбление в самоцель коммуникации, напр.:

Зінаїда. Та я мати на сто відсотків! А ось чи ти батько — це ще довести треба!

Михайло. Що ти сказала?

Зінаїда. Що чув.

Михайло. Ах, ти ж... кікіморо!

Зінаїда. Мурло!

Михайло. Дурепа!

Зінаїда. Придуток! («Зачаровані потвори»).

Реализация конфронтационных стратегий нарушает принцип вежливости, лежащий в основе кодекса коммуникативного поведения. Принцип вежливости, сформулированный Дж. Личем, заключается в шести максимах: такта, щедрости, одобрения, скромности, симпатии, согласия [5, с. 132—142]. Наиболее часто конфронтационные тактики нарушают максимы симпатии (максимального выражения симпатии по отношению к другому), одобрения (минимизирования критики другого и максимизирования похвалы), согласия (стремления к согласию), скромности (минимального выражения похвалы самого себя). Как правило, реплика, содержащая конфронтационную стратегию, нарушает несколько максим. Например:

Вероніка: Я пишу. Вірші.

Малюк: От я і кажу — дурепа ти. Потрібно братися за щось серйозне. За авангардну критику або філософію абсурду. А в тебе — вірші... Дрібнота ти невихована (відвертається). Иди собі. Забирай найдки та йди. Не хочу котлет з м'яса кийських тварин. І тебе не хочу («Два етюди під одним дахом»).

Последняя реплика-реакция в приведенном выше диалоге не соблюдает одновременно максимы одобрения и симпатии, иллюстрируя стремление говорящего к завершению коммуникации.

Нарушения принципа вежливости Дж. Лича ведут к конфликту путем деструкции положительного и отрицательного лица коммуниканта. Термин «лицо» (“face”), введенный И. Гоффманом, трактуется как позитивная социальная ценность, которую каждый утверждает в процессе коммуникации с другими и которая принимается остальными [4, с. 5—45]. Конфронтационная стратегия речевой агрессии угрожает положительному лицу (желанию адресата быть принятым и ободренным), стратегия манипулирования негативно влияет на отрицательное лицо (потребность адресата быть независимым, иметь собственное пространство). Например:

Семен. Я працював.

Ніна. Ти працював? Ах, так, я пригадую... Ти цілий тиждень чимось торгував, доки тебе не обікрали. Потім ти працював хлопчиком на побігеньках. Потім... Що було потім?

Семен. Я сортирував сміття.

Ніна. Саме так. Ти сортирував сміття. Це — пік твоєї корисності. Ти нікчема, Семене. Ти — нуль без палички («Зачаровані потвори»).

Анализируемые реплики коммуниканта *Нины*, которые вербализуют конфронтационные тактики издёвки, оскорбления, провокации, нарушают максимы одобрения, симпатии и согласия и дискредитируют положительное лицо *Семена*.

Выводы. В проанализированных пьесах конфронтационные стратегии, выраженные различными тактиками, направлены на нарушение кодекса коммуникативного поведения, что, в свою очередь, приводит к конфликтам и препятствует коммуникации.

Список литературы:

1. Дерпак О.В. Конфронтативні мовленнєві жанри: комунікативно-прагматичний та мовний аспекти: Автореф. дис. канд. філол. наук. Київ, 2005. — 18 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. — 284 с.

3. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: Автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2008. — 19 с.
4. Goffman E. On Face Work // Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behaviour. London: Anchor Books, 1972. — P. 5—45.
5. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, NY: Longman, 1983. — 250 p.

2.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА "HORSE" В ЛИТЕРАТУРЕ РАЗНЫХ ЭПОХ

Градалева Екатерина Александровна

*канд. филол. наук, доцент Самарского государственного
архитектурно-строительного университета,*

РФ, г. Самара

E-mail: katerina-888@bk.ru

VARIATION OF THE LEXIS DENOTING A HORSE IN THE FICTION OF DIFFERENT LITERARY PERIODS

Ekaterina Gradaleva

*candidate of Philological Sciences, assistant professor
of Samara State University of Architecture and Civil Engineering,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению лексической детализации концепта "horse" в художественных произведениях разных литературных эпох: классицизм, Просвещение, сентиментализм, романтизм, реализм и модернизм. Описаны наиболее распространенные средства обозначения лошади в каждом периоде. Проанализирована специфика контекста, в котором употребляется концепт "horse". Выявлено, что она во многом зависит от проблематики литературы той или иной эпохи и от особенностей авторского стиля.

ABSTRACT

The article focuses on the variation of the lexical units denoting a horse in the fiction of different literary periods: Classicism, Enlightenment, Sentimentalism, Romanticism, Realism and Modernism. The author gives a detailed description of the most popular words to denote a horse in each period. The specificity of context that contains the image of a horse is analysed. It is shown that it depends on the typical traits of each epoch and peculiarities of the author's style.

Ключевые слова: концепт; лексическая детализация; литературная эпоха.

Keywords: concept; lexical unit; horse; literary period.

Концепт "horse" играет важную роль в британской лингвокультуре. Об этом говорит как его широкое распространение в фольклоре и литературе, так и большое количество средств его детализации в языке. Как показало наше исследование [3], в английском языке существует 32 единицы, обозначающие лошадь: horse, pony, mare, colt, filly, foal, mule, equine, bronco, cob, jade, charger, mustang, palfrey, steed, gelding, stallion, stud, hack, nag, gee-gee, hinny, mount, courser, hunter, racer, roadster, piebald, roan, punch, dobbin, skewbald.

Частотность употребления средств актуализации концепта "horse", а также характер контекста, в котором они используются, зависит от литературной эпохи. Материалом для исследования послужили британские художественные произведения XVII—XX веков (корпус текстов составляет 56714 страниц), а следовательно, были охвачены такие литературные периоды, как классицизм, Просвещение, сентиментализм, романтизм, реализм и модернизм.

В художественном тексте любой эпохи доминирует единица *horse*. Широкое разнообразие средств актуализации данного концепта наблюдается в период реализма. Наряду с лексической единицей *horse* частотными являются единицы *pony*, *mare* и *mule*. В эпоху романтизма распространены лексические единицы *steed* и *palfrey*. И это неслучайно, так как именно эти единицы относятся к поэтической лексике, употребление которой свойственно писателям-романтикам. В эпоху Просвещения значительное место в литературе занимают единицы *jade*, *mule* и *steed*. Концепт "horse" наименее детализирован в периоды классицизма и модернизма, что объясняется спецификой художественного стиля данных литературных направлений. Лексическая единица *pony* стала одним из основных средств обозначения лошади в литературе XX века, поскольку именно в данный период появились и получили широкое распространение детские книги, называемые *Pony Books* [2].

Контекст, в котором употребляется концепт "horse", имеет свою специфику в каждом литературном периоде и во многом зависит от проблематики литературы той или иной эпохи и от особенностей стиля автора.

Первым английским драматургом-классицистом является Б. Джонсон. Посредством образа коня в своих произведениях он в основном показывает характер персонажей: No, I am a dull *malt-horse*, I know nothing [9]. В данном случае герой говорит о своем

неведении, сравнивая себя с хмельной лошастью. В следующем отрывке Б. Джонсон подчёркивает такую черту характера, как назойливость: *We'll hang upon him like so many horse-leeches* [10].

Так как литература Просвещения пронизана философской проблематикой, концепт "horse" часто входит в состав философских авторских рассуждений: *gladly would I have been in the condition of Dog or Horse, for I knew they had no Soul to perish under the everlasting weights of Hell for sin, as mine was like to do* [5]; *a man must use his body as he would his horse, and his stomach: not tire him at once, but rise with an appetite* [4].

В силу того, что важную роль в литературе сентиментализма играет исследование внутреннего мира человека, его переживаний, писатели данного направления нередко обращаются к образу коня при описании душевного состояния героя: *Why, there is not time for a man to be sick in it. What a cursed lyar! for I am sick as a horse* [14].

Сила и скорость считались самыми ценными качествами лошади в эпоху романтизма. В данное время получили распространение единицы *stallion* и *colt*, которые используются для обозначения крепкого, быстрого скакуна: *Leicester was spurred to emulation by the success of the young courtier's exhibition, as the veteran racer is roused when a high-mettled colt passes him on the way* [13].

В произведениях данного периода положительных характеристик лошади обнаружено в 4 раза больше, чем отрицательных. Такого большого разрыва между положительной и отрицательной оценкой не наблюдается ни в одной другой эпохе. Лошадь получает определения, выраженные прилагательными с положительными коннотациями: *high-trotting, hearty, speedy, sturdy, gallant, splendid, highly-managed* (подробнее об этом см. в нашей работе [1]).

В период реализма наиболее важными становятся такие характеристики лошади, как ум и благородство: *Nothing is nobler than a horse* [8]; *It was a clever, well-bred pony* [16].

Произведениям реалистов характерна социально-политическая проблематика, и поэтому образ коня нередко используется в таком контексте: *I had rather be an English horse or ass than on these terms a Scot, to square my will by their inscribed conditions* [15]. Данный отрывок отражает сложные отношения англичан и шотландцев, многие из которых хотят получить независимость.

Для каждого писателя характерен уникальный авторский стиль, и это во многом влияет на особенности контекста, в который входят компоненты концепта "horse". Так, например, при создании отрицательных образов героев Д. Дефо и Г. Филдинг употребляют единицу *jade*: *she, like a careless Jade, was taken up perhaps with some fellow that*

had met her, and so the poor baby wandered till it fell into my hands [6]; This Witch of yours is a most ungrateful *Jade* [7].

Поскольку характерной особенностью персонажей В. Скотта является склонность к мятежу или бунту, в его творчестве неоднократно появляется образ боевого коня. Единица *war-horse* используется как в свободных словосочетаниях в прямом значении, так и в образных. В следующем контексте она входит в состав стилистического приема и формирует образ решительного и смелого героя: *But Ivanhoe was like the war-horse* [12].

Основной тематикой произведений В. Теккерея является снобизм, поэтому концепт "horse" у данного автора часто присутствует в описаниях этого общественного порока: *But though men who ask you from sordid motives are most decidedly Dinner-giving Snobs, it is best not to inquire into their motives too keenly. Be not too curious about the mouth of a gift-horse. After all, a man does not intend to insult you by asking you to* [16]. В данном случае деформации подверглась фразеологическая единица *never look a gift-horse in the mouth*, которая призывает принимать с благодарностью то, что получаешь безвозмездно, даже если это не представляет для тебя особой ценности.

Д. Джойс — один из величайших английских модернистов. К образу коня он обращается при изображении природных явлений с использованием техники потока сознания: *They are coming, waves. The whitemaned seahorses, champing, brightwindbridled, the steeds of Manannan* [11]. Метафорический эпитет *whitemaned seahorses* выражает британскую языковую картину мира, поскольку словом *whitehorses* в английском языке принято называть волны с барашками. Выражение *the steeds of Manannan* связано с валлийской мифологией. Мананнан был женат на богине лошадей Рианнон и, соответственно, имел лучшую лошадь. Так, фразой *Manannan's horse* характеризуют удивительно сильную, быструю и выносливую лошадь. Действительно, в своем творчестве Д. Джойс отражает типично британскую картину мира, но применяет не общеизвестные формулы как таковые, а производит некоторые авторские трансформации.

Итак, лексическая детализация концепта "horse" варьируется в каждой литературной эпохе. Безусловно, во все периоды доминирующей является единица *horse*, представляющая собой основное средство обозначения лошади в английском языке. Наиболее разнообразное употребление средств номинации лошади обнаружено в эпоху реализма. Самыми частотными в этот период наряду с единицей *horse* являются слова *pony*, *mare* и *mule*. В эпоху романтизма получают распространение поэтические слова *steed*

и palfrey. В литературе Просвещения значительное место занимают единицы jade, mule и steed. В XX веке вместе с появлением в Великобритании книг Pony Books одним из основных средств обозначения лошади становится лексическая единица pony.

Список литературы:

1. Градалева Е.А. Адъективные и глагольные словосочетания с элементами ассоциативно-семантического поля “horse” (на материале художественных произведений XVIII—XX веков) // Вестник Кемеровского государственного университета, — 2014, — № 4-3. — С. 151—155.
2. Градалева Е.А. Pony Books как феномен современной британской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, — 2013, — Т. 15, — № 2-1. — С. 173—175.
3. Иванова Е.А. Механизмы актуализации концепта horse в британской лингвокультуре: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2010. — 242 с.
4. Boswell, James. Life of Johnson. UK: Oxford World's Classics, 2008. — 1536 p.
5. Bunyan, John. Grace Abounding to the Chief of Sinners. US: Bottom of the Hill Publishing, 2012. — 128 p.
6. Defoe, Daniel. The Fortunes and Misfortunes of the Famous Moll Flanders. UK: Wordsworth Editions Ltd., 1993. — 339 p.
7. Fielding, Henry. The History of Tom Jones, a Foundling. UK: Wordsworth Editions Ltd., 1999. — 768 p.
8. Galsworthy, John. Fraternity. Portsmouth: Heinemann, 1968. — 232 p.
9. Jonson, Ben. Bartholomew Fayre. UK: Manchester University Press, 2000. — 224 p.
10. Jonson, Ben. Poetaster, or His Arraignement // English and American Literature: from Shakespeare to Mark Twain: cd-rom for pc or for mac [Electronic resource]. Berlin: DirectMedia, 2002. (Digitale Bibliothek , vol. 59).
11. Joyce, James. Ulysses. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004. — 223 p.
12. Scott, Walter. Ivanhoe. UK: Dover Thrift Editions, 2004. — 464 p.
13. Scott, Walter. Kenilworth // English and American Literature: from Shakespeare to Mark Twain: cd-rom for pc or for mac [Electronic resource]. Berlin: DirectMedia, 2002. (Digitale Bibliothek , vol. 59).
14. Sterne, Laurence. The Life and Opinions of Tristram Shandy. UK: Wordsworth Editions Ltd., 1999. — 480 p.
15. Swinburne A.Ch. Bothwell // English and American Literature: from Shakespeare to Mark Twain: cd-rom for pc or for mac [Electronic resource]. Berlin: DirectMedia, 2002. (Digitale Bibliothek , vol. 59).
16. Thackeray W.M. The Snobs of England. By One of Themselves // English and American Literature: from Shakespeare to Mark Twain: cd-rom for pc or for mac [Electronic resource]. Berlin: DirectMedia, 2002. (Digitale Bibliothek , vol. 59).

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНЕКДОТА
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Емельянова Светлана Михайловна

*канд. филол. наук, доцент кафедры образования
в области романо-германских языков, Школа педагогики
Дальневосточного федерального университета,
РФ, г. Уссурийск*

E-mail: sweetlanadeutsch@mail.ru

Фесенко Ирина Викторовна

*студент кафедры образования в области романо-германских языков,
Школа педагогики Дальневосточного федерального университета,
РФ, г. Уссурийск*

E-mail: fesenko.irina1990@mail.ru

**FUNCTIONING OF AN ANECDOTE IN THE INTERNET
(AS EXEMPLIFIED IN GERMAN)**

Svetlana Emelyanova

*candidate of Philological Sciences, Associate professor
of Education in the Sphere of Romano-Germanic Languages Chair,
School of Education of Far Eastern Federal University,
Russia, Ussuriysk*

Irina Fesenko

*student, Education in the Sphere of Romano-Germanic Languages Chair,
School of Education of Far Eastern Federal University,
Russia, Ussuriysk*

АННОТАЦИЯ

Написание данной работы обусловлено исследовательским интересом авторов к категории «комическое» в целом и к её актуализации в языке и культуре в частности. Объектом исследования стал немецкоязычный анекдот, функционирующий в сети Интернет, предметом — характерные особенности данного текстотипа, обусловленные новым функциональным пространством. В работе выявляются как языковые

характеристики разного уровня, так и неязыковые изменения и особенности анекдота.

ABSTRACT

Writing this work is due to authors' research interest in the category of "comic" in general and to its actualization in language and culture in particular. The object of the study was German anecdote that operates in the Internet; the subject was characteristics of text type determined by new functional space. The linguistic characteristics of different levels, as well as non-linguistic changes and features of the anecdote are identified in the article.

Ключевые слова: анекдот; интернет-анекдот; интернет-коммуникация; альтернативные способы выражения ответной реакции.

Keywords: anecdote; Internet-anecdote; Internet communication; alternative modes of expression of responses.

Интернет как открытое коммуникативное пространство является почти идеальной средой для существования и развития комического. Рассматривая новую социокультурную среду, возникшую в результате взаимодействия людей посредством Интернета, мы можем говорить о том, что Интернет во многом схож со средневековым карнавалом, и прежде всего это касается интернет-общения, или интернет-коммуникации. По мнению О.Ю. Усачевой, «интернет-коммуникация (ИК, а также веб-коммуникация) — это общение в особой (глобальной электронной) среде, возникшей вследствие объединения персональных компьютеров в единую сеть и обеспечивающей высокоскоростное прохождение информационных потоков» [5, с. 55]. Как и карнавал, оно характеризуется выходом за пределы обыденности и официальных регламентаций и оформляется особым игровым образом [6].

Исследователи отмечают, что Интернет превращается в некую особую жанропорождающую среду. Особенность виртуального пространства заключается в тех ценностях, которые оно пропагандирует: анонимность; демократичность общения (проявляющаяся в негласно утвержденной форме общения на «ты» и, как следствие этого, в легкости установления контактов и завязывания знакомств без учета возрастных, социальных, расовых, половых и т. п. характеристик коммуникантов); неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов (возможность общения с большим количеством людей); скорость получения информации и завязывания знакомств; отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора; свобода самовыражения (порой граничащая со вседозволенностью) и даже некоторое пренебрежение нормами,

существующими в реальном мире [3]. На наш взгляд, такое восприятие интернет-коммуникации способствует популяризации и активному развитию анекдотов в Сети и росту числа специализированных юмористических интернет-сайтов / порталов, являющихся своего рода коллекциями анекдотов.

Говоря о специфических характеристиках анекдота в смеховом мире Интернета, прежде всего следует отметить, что со сменой среды своего обитания анекдот меняет форму своего бытования, переходя из первичной устной формы во вторичную; речь идёт о письменной фиксации устного анекдота. Этот факт и ведёт за собой большинство изменений.

Корпус проанализированных нами примеров составил 100 анекдотов. Данные тексты были отобраны в случайном порядке на специализированных немецкоязычных сайтах анекдотов. Анализ показал, что этим коротким смешным историям присущ ряд особенностей.

Во-первых, одной из отличительных черт интернет-анекдота является возможность их эстетического оформления. Многие из них написаны разнообразным шрифтом, иногда присутствует определённый фон. Все это, безусловно, способствует привлечению внимания к анекдоту, например:

Рисунок 1. Пример оформления интернет-анекдота

Во-вторых, изменения касаются лексической стороны анекдота. Восприятие письменного текста анекдота с экрана обуславливает тот факт, что языковая игра в нем реализуется иными средствами по сравнению с устным текстом. Циркулируя в Сети, анекдоты, построенные на языковой игре с омофонами, теряют свой комический шарм. Например:

(1) *Der Sportlehrer zu seinen Schülern: "Wir fangen jetzt mit Dehnübungen an." Achmed kleinlaut: "Aber Herr Lehrer, das heißt DIE Übungen!"* [10].

В этом анекдоте комическая ситуация создается за счет совпадения в звучании части слова "Dehnübungen" с омонимичным ему артиклем "den" множественного числа, стоящим в дательном падеже. Данное совпадение заметно лишь при устном изложении анекдота; когда перед глазами находится письменный вариант анекдота, он не кажется таким же смешным из-за очевидной разницы в написании. При устном воспроизведении это отличие будет маркироваться за счёт интонации. При правильном произнесении компонент существительного стоит под ударением, а артикль в безударной позиции. Причем передать суть этого анекдота на русский язык, сохраняя омонимичное звучание, не удастся, т. к. в нашей системе языка нет такого феномена, как артикль.

В-третьих, изменения затронули паралингвистическую и фонетическую стороны эмоциональности анекдотов. Так, среди анекдотов, представленных в Сети, практически отсутствуют такие, которые нуждаются в сопровождении повествования жестовыми «комментариями». Если анекдоты отражают какие-то особенности в произношении персонажей, то чаще всего эти особенности передают, используя при написании транскрипцию тех или иных слов. Для передачи ударения на то или иное слово в основном используется прием написания его заглавными буквами. Например:

(2) *Kommt ein Mann zur Wahrsagerin und setzt sich vor die Kristallkugel. "Wie ich sehe, sind Sie Vater von zwei Kindern", sagt die Wahrsagerin. "Das glauben SIE!", erwidert er. "Ich bin Vater von drei Kindern." Die Wahrsagerin lächelt und antwortet: "Das glauben SIE!"* [9].

(Приходит как-то мужчина к гадалке и садится перед ее хрустальным шаром. «Я вижу, что вы отец двух детей», — говорит гадалка. «Это ВВ! так думаете!»), — отвечает он. — «Я отец троих детей». Гадалка улыбается ему и отвечает: «Это ВВ! так думаете!»).

В-четвертых, анекдот не обошли стороной и тематические изменения. В Сети все чаще появляются анекдоты, относящиеся к компьютерной и интернетной тематике. Средством создания комического эффекта выступает язык активных пользователей Интернета. Этот язык специфичен и изобилует различными жаргонными и сленговыми словами, и человеку, не знающему его, не удастся понять заложенный в анекдоте комический смысл. Например:

(3) *"Papa, wie bin ich auf die Welt gekommen?"*

"Na gut, mein Sohn. Irgendwann müssen wir dieses Gespräch wohl führen. Der Papa hat die Mama in einem Chatroom kennen gelernt. Später haben wir uns in einem Cyber Café getroffen, und dann hat die Mama ein paar Downloads von Paps Memory Stick machen wollen. Als der Papa fertig fürs Uploaden war, merkten wir plötzlich, dass wir keine Firewall installiert hatten. Leider war es schon zu spät, um Cancel oder Escape zu drücken. Mamas Virens Scanner war schon länger nicht upgedated worden und kannte sich mit Papas Blasterworm nicht so recht aus. Wir drückten die Enter-Taste und Mama bekam die Meldung: Geschätzte Download-Zeit 9 Monate ..." [8].

(«Папа, как я появился на свет?»)

«Ну хорошо, сынок. Этот разговор должен был когда-то состояться. Папа познакомился с мамой в чате. Позже мы встретились в интернет-кафе, а затем пару раз мама загрузила кое-что с флешки папы. Когда папа был готов к загрузке, мы вдруг поняли, что мы не установили Firewall. К сожалению, нажимать Cancel или Escape было уже слишком поздно. Мамин антивирус не был обновлен в течение долгого времени и не знал, что делать с папиным вирусом. Мы нажали клавишу Enter и мама получили сообщение: Приблизительное время загрузки 9 месяцев ...»)

Как известно, родителям всегда достаточно сложно объяснить ребенку, как он появился на свет. Многие прибегают к образным объяснениям, описывая процесс более доступным для ребенка языком. В данном случае папа, подразумевая, что его сын знает компьютер, нашел выход именно в такой форме изложения. Комизм приведенного выше анекдота становится понятным только при условии, что читающий знает, что такое чат, флеш-карта, что Firewall — это программа, которая защищает компьютер от вредоносных атак вирусов Интернета, что Cancel или Escape — это кнопки отмены действия и т. д.

В-пятых, наблюдается явная трансформация «классической» формы анекдота, т. е. его трехчастной структуры: «завязка-развертывание действия-неожиданная развязка». Она максимально сокращается, доминантной оказывается вопросно-ответная форма [2, с. 165].

(4) Welcher Tag ist der arbeitsintensivste für einen Beamten?

Der Montag, da muss er gleich zwei Kalenderblätter abreißen [11].

(Какой день является наиболее трудоемким для чиновника?)

Понедельник, в этот день он должен оторвать сразу два календарных листа.).

Говоря непосредственно об отобранном нами корпусе анекдотов, необходимо заметить, что среди них нами было найдено лишь 6 примеров, отражающих вышеперечисленные особенности. Причем

большинство из них (4 анекдота) является примером изменений, касающихся лексической стороны анекдота.

Отметим еще одно немаловажное свойство функционирующих в Сети анекдотов — это отсутствие привычной обратной реакции реципиента — смеха, как это обычно происходит в случае прямой коммуникации. При интернет-коммуникации этот этап как бы остаётся за кадром, т. е. неизвестно (не видно / не слышно), смеялся ли читатель. По этой причине в Сети появляются альтернативные способы выражения ответной реакции или оценки. На большинстве сайтов под каждым анекдотом помещается либо шкала оценок в виде «звездочек» (обычно в количестве 5-ти или 10-ти), либо предоставляется возможность отметить анекдот «лайком» (это условное выражение одобрения, выражающееся нажатием одной кнопки) или поделиться им в социальных сетях. С их помощью пользователь может оценить степень актуальности, новизны, комичности и т.п. анекдота, исходя из того, насколько он ему нравится. Еще одним видом оценивания является комментарий, где каждый желающий может написать свое мнение, поддержать или опровергнуть мнение другого.

Все вышеперечисленные способы существуют отдельно друг от друга, однако чаще всего создатели сайтов комбинируют их, чтобы любой пользователь мог выбрать наиболее удобный для него вариант.

Сайты, с которых был отобран корпус примеров данной работы, в той или иной степени отражают все вышеперечисленные способы оценивания. Результаты анализа этих оценок можно представить следующим образом:

более 100 лайков — 13 % анекдотов;

50—100 лайков — 17 % анекдотов;

10—50 лайков — 23 % анекдотов;

менее 10 лайков — 47 % анекдотов.

Больше всего (около 62 %) немцам «нравятся» анекдоты о семейной жизни, в которых зачастую описываются интимные подробности либо имеется такой подтекст. Еще одной «любимой» темой анекдотов является глупость слабой половины человечества со светлыми волосами. Все встретившиеся нам анекдоты о блондинках оценены довольно высоко (50—100 лайков).

Анализ показал, что стоит говорить о том, что по большей части тексты анекдотов, представленных в Интернете, уже не являются анекдотами в привычном для нас смысле слова. Они приобретают промежуточное положение между обыкновенным анекдотом и креолизованными текстами (демотиваторами). Причиной этого может быть то, что анекдот переместился из ситуации реального общения

в интернет-коммуникацию, что повлекло за собой необходимость его особого оформления, изменения лексической, паралингвистической и фонетической стороны эмоциональности анекдота, а также изменения самой формы изложения и тематические изменения.

Как отмечалось нами в работе по исследованию немецких политических анекдотов, новые немецкие анекдоты появляются достаточно редко и они не столь живо реагируют на изменения в жизни людей и политике страны, как ожидалось. Их темы устарели, ведь у власти в разных странах стоят уже не те политики, которые высмеиваются в анекдотах. Однако за достаточно долгий срок анекдотов про новых политиков (Ангела Меркель, Барак Обама, Пётр Алексеевич Порошенко) появилось относительно мало [1, с. 123].

Одной из причин этого можно назвать то, что сам менталитет и культура немцев не позволяет им шутить на тему столь серьезных политических процессов в момент их непосредственного развития. Как говорит А.Б. Томчин в своей книге «Германия и немцы», немцы предпочитают не смеяться и даже не улыбаться на работе. У немцев не принято рассказывать друг другу анекдоты, особенно политические, даже среди друзей, как это принято у нас [4, с. 186].

С другой стороны, небольшое количество примеров с изменениями в лексической и фонетической стороне эмоциональности анекдота может быть обусловлено неспецифичностью данного текстотипа для интернет-коммуникации [7, с. 334]. Следовательно, и реагирует анекдот как на языковые, так и на неязыковые изменения медленнее, чем специфические речевые жанры (демотиваторы, веб-комиксы и пр.).

Список литературы:

1. Емельянова С.М., Фесенко И.В. Политический анекдот как жанр интернет-коммуникации // «Инновационный вектор развития науки»: сборник статей III Международной научно-практической конференции (25 сентября 2014 г.). Уфа: Аэтерна, 2014. — С. 120—124.
2. Ерофеев Ю.В. Интернет-анекдот как особый вид юмористического дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: Филология. — 2010. — № 3. — С. 163—166.

3. Лутовинова О.В. Анекдот в смеховом мире Интернета // Теоретическая культурология [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1598-%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82-%D0%B2-%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0.html> (дата обращения: 14.12.2014).
4. Томчин А.Б. Германия и немцы. То о чем умалчивают путеводители. М.: РИПОЛ классик, 2012. — 416 с.
5. Усачева О.Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. — 2009. — № 3. — С. 55—65.
6. Щурина Ю.В. Речевой жанр анекдота в современном интернет-дискурсе // Филологические науки [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusnauka.com/8_NMIV_2013/Philologia/7_131363.doc.htm (дата обращения: 20.11.2014).
7. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического в интернет-коммуникации // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов, М.: Лабиринт, 2012. — С. 333—344.
8. Die besten Witze [Electronic resource]. — URL: <http://www.55plus-magazin.net/php/humor,13352.html> (дата обращения: 12.01.2015).
9. Neue Witze [Electronic resource]. — URL: <http://www.aberwitzig.com/neue-witze.htm> (дата обращения: 12.01.2015).
10. Spassfieber [Electronic resource]. — URL: <http://www.spassfieber.de/witze/die-besten-witze/> (дата обращения: 12.01.2015).
11. Witze auf Deutsch [Electronic resource]. — URL: http://www.deutschlernen.com/witze_3.php (дата обращения: 12.01.2015).

**ВЫРАЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ФОРМАХ ЧИСЛА ПОДЛЕЖАЩЕГО,
ВЫРАЖЕННОГО ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Рогачева Елена Сергеевна

аспирант Московского городского педагогического университета,

РФ, г. Москва

E-mail: rogachevaelen@mail.ru

**THE EXPRESSION OF QUANTITATIVE RELATIONS
IN FORMS OF THE NUMBER OF THE SUBJECT
REPRESENTED BY THE NOUN**

Elena Rogacheva

post-graduate student of Moscow City Teacher Training University,

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена способам выражения отношений количества у имен существительных в английском языке. Значительное внимание уделяется особенностям собирательных существительных, а также случаям несовпадения категории количества и морфологической категории числа. В статье приводится классификация существительных на основе их особенностей выражения количественных характеристик.

ABSTRACT

The article is devoted to methods of expression of number relations of nouns in the English language. Considerable attention is given to features of collective nouns as well as cases of non-conformity between the category of the quantity and morphological categories of the number. In the article the classification of nouns based on their peculiarities of expression of quantitative characteristics is presented.

Ключевые слова: согласование; категория числа; категория количества.

Keywords: agreement; the category of the number; the category of the quantity.

В современном английском языке возникает целый ряд трудностей в процессе согласования главных членов предложения по линии числа. В связи с тем, что в качестве подлежащего в подавляющем большинстве случаев выступает имя существительное, данная статья посвящена особенностям выражения количественных отношений в формах числа существительных.

Категория количества в современном английском языке может передаваться несколькими способами. Значение единичности субъекта действия может выражаться при помощи формы единственного числа существительного, неопределенного артикля *a (an)*, числительного *one*, сочетанием числительного *one* с предлогом *of*. Значение множественности субъекта действия помогают определить такие средства, как форма множественного числа имен существительных, собирательные существительные, личные местоимения множественного числа, количественные местоимения, многосубъектные глаголы и числительные.

Особенности категории количества и ее отражения в именах существительных при помощи грамматических средств привлекали внимание и вызывали интерес многих лингвистов. Такие филологи, как Н.Ю. Шведова, Л.Д. Чеснокова, И.В. Переверзева, Г. Корбет и многие другие, в своих работах приводили различные классификации имен существительных, основываясь на их способности выражать категорию количества.

Морфологическая категория числа является одним из способов выражения категории количества, которая отражает количественные отношения между предметами реальной действительности.

Все существительные можно разделить на три группы, а именно:

- а. имеющие формы как единственного, так и множественного числа;
- б. имеющие форму только единственного числа;
- в. имеющие форму только множественного числа.

Первая группа является наиболее многочисленной, так как к ней относятся, в основном, названия конкретных существительных, обозначающих исчисляемые дискретные предметы. Представителями второй и третьей группы являются наименования абстрактных качеств, веществ и парных предметов, то есть слова, в которых противопоставление по числу не выражено.

В английском языке флексия *-(e)s*, прибавляемая к форме единственного числа исчисляемых существительных, как правило, указывает на множественность называемых предметов, а ее отсутствие, соответственно, на единичность. Множественное число может быть также

выражено при помощи суффиксов иностранного происхождения, которые были заимствованы английским языком из латинского и греческого. Слов, образующих форму множественного числа таким образом, немного. Например, *a stimulus — stimuli, a formula — formulae, a datum — data, an index — indices, an appendix — appendices, a crisis — crises, a phenomenon — phenomena.*

Следует отметить, что под влиянием основного правила образования формы множественного числа и по аналогии с большинством исчисляемых существительных в языке некоторые из заимствованных слов, принадлежащих к этой группе, имеют две равноправные формы для выражения множественного числа. Приведем примеры:

1. *Integrating entrepreneurship into college-wide curricula is a fine way of building campus collaboration* [8].

2. *Curriculumums that boost executive function have become increasingly popular* [8].

3. *The desert grew darker, the cacti's black lobes chopping across the flats* [8].

4. *Small cactuses throughout the region are disappearing before botanists have a chance to learn even the most basic information about them* [8].

В соответствии с числовыми данными, которые приводятся в англоязычных корпусах, превалирует частота использования традиционной формы множественного числа заимствованных существительных, то есть при помощи суффиксов иностранного происхождения.

Другими формами выражения множественного числа имен существительных в английском языке являются изменение корневых гласных и использование разных формообразующих основ. Например:

a man — men, a woman — women, a child — children, a foot — feet, a tooth — teeth, a goose — geese, a mouse — mice, a louse — lice, an ox — oxen.

В английском языке нередко можно наблюдать несовпадение категории количества и морфологической категории числа. Так, к примеру, у существительных *swine, sheep* и *deer* отсутствует формальный показатель множественного числа. У названий национальностей, заканчивающихся на буквосочетания *-ese* и *-ss*, также нет изменений в форме множественного числа:

a Chinese — ten Chinese, a Portuguese — the Portuguese, a Swiss — many Swiss, a Milanese — five Milanese, a Viennese — the Viennese.

Форма единственного числа может использоваться не только для обозначения реальной единичности предметов, но и для передачи **обобщенно-собирательного значения**. Приведем примеры:

1. *Life nowadays is generally much more stressful than in the past.*
2. *A book is the best present.*
3. *A Swiss makes a good husband.*

Употребление формы множественного числа существительных, использованных в значении обобщения, не приводит к изменению или искажению смысла высказываний:

A teenager becomes more independent today = Teenagers become more independent today.

Вещественные и отвлеченные существительные используются, как правило, в форме единственного числа, так как обозначают абстрактные понятия и субстанции, которые не подлежат счету. Форма множественного числа таких существительных также встречается, однако используется для передачи не количественных, а качественных значений. Так, вещественные существительные во множественном числе обозначают разные типы и классы предметов, входящих в состав этого существительного:

1. *My son is a born vegan. He is allergic to most meats, eggs, and dairy* [8].
2. *I began to realize that things like tuna and chicken salad were among my favorite foods* [8].
3. *This Italian meat goes well with so many cheeses* [8].

Неисчисляемые вещественные существительные в форме множественного числа могут использоваться для передачи значения больших объемов субстанций:

1. *Snows were melting late last year in Malheur National Forest* [8].
2. *It was spring, and the snows were melting* [8].
3. *It is time to think about the waters of the third pole* [8].

Форма множественного числа отвлеченных существительных передает значение характеристик предмета, а также многоактные действия:

1. *Its speeds were faster than the average of the products we tested* [8].
2. *One of the true beauties of the iPhone is the Web browser.*
3. *The races were very tense.*
4. *Elections give people a chance to be heard.*

Особое внимание стоит уделить собирательным существительным, которые, в силу своих особенностей, способствуют развитию в языке групп слов, согласующихся с глаголом либо только в единственном числе — *singularia tantum*, либо с глаголом во множественном числе — *pluralia tantum*.

К первой группе слов относят некоторые собирательные существительные, а также существительные, не подлежащие счету. К их числу относятся *news* (новости), *advice* (совет), *information* (информация), *money* (деньги), *furniture* (мебель), *equipment* (оборудование). При необходимости выразить множественность существительных данного класса необходимо использовать слова, обозначающие единицы измерения, такие как, *an item of, a piece of, a sum of* и другие. Например:

1. *I have **two pieces of news** for you today: a good one and a bad one.*
2. *The museum also has **four pieces of furniture** originally made for the house.*

Существительные *pluralia tantum* можно разделить на три группы, а именно:

1. обозначающие предметы, которые состоят из двух одинаковых или симметричных частей: (*binoculars, gates, glasses, handcuffs, jeans, scales, scissors, trousers* и др.);
2. заканчивающиеся на *-s* и обладающие семантическим значением множественности (*banns, congratulations, depths, elections, outskirts, stairs, remains, thanks* и др.);
3. имеющие нулевое окончание и обозначающие совокупность предметов или людей (*people, police, clergy, folk, cattle, poultry, livestock, ware* и др.).

Некоторые существительные, заканчивающиеся на *-s*, могут согласовываться с глаголом как в форме множественного, так и в форме единственного числа. Например:

1. *A special **thanks is** given to Richard Cash for asking difficult questions [8].*
2. *As far as Wilma was concerned, no **thanks were** needed [8].*

К существительным *pluralia tantum* относятся также некоторые географические названия. Наименования горных цепей и групп островов, а также некоторых городов и стран неизменно находятся в форме множественного числа: *the Alps, The Rockies, the Urals, the Bermudas, Athens, the Netherlands*.

Большинство существительных группы *pluralia tantum* не могут сочетаться с количественными числительными и согласуются с глаголом в форме множественного числа.

Согласование является дополнительным маркером числа на синтаксическом уровне. Так, все существительные в английском языке передают количественные значения при помощи одного или нескольких средств: семантики, синтаксиса и морфологии. Рассмотрим

четыре основных группы существительных, основываясь на их особенностях выражения количественных характеристик.

Таблица 1.

Показатели количественных значений английских имен существительных

	<i>cat</i>	<i>sheep</i>	<i>glasses</i>	<i>happiness</i>
семантика	+	+	+	-
синтаксис	+	+	-	-
морфология	+	-	-	-

К **первой группе** принадлежит большинство исчисляемых существительных английского языка. Четкая смысловая дифференциация числа находит отражение как в морфологической форме слова, так и в форме глагола, согласующегося с ним.

Значение количества предметов, выраженных существительными **второй группы**, передается в контексте, что свидетельствует о наличии семантической оппозиции единичности и множественности. На уровне синтаксиса количественные признаки также проявляются в процессе согласования. Морфологическая парадигма данной группы слов является неполной.

К **третьей группе** относятся слова, обозначающие предметы, состоящие из двух частей. Не вызывает трудности подсчитать такого рода объекты, однако для выражения числовой оппозиции в языке требуется количественный показатель. Дискретность существительных данной группы не находит никакого отражения на уровне синтаксиса и морфологии, так как согласующийся глагол неизменно находится в форме множественного числа, а флексия *-s* является их постоянным атрибутом. Интересным является тот факт, что флексия *-s* употребляется, когда существительное используется в атрибутивной позиции. К примеру:

1. *His hand was wrapped in a bloody handkerchief, and the right trouser leg was ripped from knee to ankle* [8].

2. *The disadvantages of the endoscope include a loss of binocular vision and depth perception, but these drawbacks are easily overcome with experience* [8].

К **четвертой группе** относятся, в основном, существительные, обозначающие абстрактные понятия, которые, по своей природе, не обладают количественными характеристиками.

Стоит отметить, что некоторые существительные, принадлежащие к первой группе, в определенных контекстах могут проявлять

себя как существительные второй группы. Например, названия некоторых животных, рассматриваемых в качестве объектов охоты:

1. *We observed **three elephant** in the game park* [7, с. 68].

2. *Every autumn they used to go **shooting the duck***.

Таким образом, в современном английском языке задействован целый ряд средств выражения количественных отношений у имен существительных. Как видно из приведенной таблицы, отражение единичности и множественности на морфологическом уровне не является универсальным, что влечет за собой возникновение трудностей в процессе согласования главных членов предложения по линии числа.

Список литературы:

1. Переверзева И.В. Англо-русские соответствия в согласовании подлежащего и сказуемого: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2004. — 147 с.
2. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. Т. 2. М., 1980. — 662 с.
3. Симонова К.Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Ростов-н/Д., 2003. — 206 с.
4. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог: Изд-во Таганрогск. пед. ин-та, 1992. — 178 с.
5. Biber D., Johansson S. Grammar of Spoken and Written English. London: Longman, 1999. — 1204 p.
6. Corbett G.G. Agreement (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 346 p.
7. Corbett G.G. Number (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 358 p.
8. Corpus of contemporary American English [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x.asp?r1=&w=1239&h=697> (дата обращения: 04.01.15).
9. Crystal D. Rediscover grammar. Harlow: Longman, 2004. — 254 p.
10. Wallis R. Verb and noun number in English: a functional explanation. London-New York: Longman, 1991. — 388 p.

2.4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Мукаева Алия Уалихановна

*канд. филол. наук, доцент
Казахского Национального университета им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: alka_mk@mail.ru*

Юсупова Нигара Рифатовна

*бакалавр Казахского Национального университета им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы*

IMAGERY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COLOR COMPONENT (BASED ON FRENCH LANGUAGE)

Mukayeva Aliya

*candidate of philological sciences,
associate professor of Kazakh National University after al-Faraby,
Republic of Kazakhstan, Almaty*

Yussupova Nigara

*bachelor of Kazakh National University after al-Faraby,
Republic of Kazakhstan, Almaty*

АННОТАЦИЯ

Фразеологическая единица, состоящая из двух или более компонентов, представляет устойчивое сочетание слов, которое характеризуется постоянным лексическим составом, грамматическим строением и единым значением. ФЕ с компонентом цвета обладают различной степенью образности, которая зависит от характера взаимосвязи цвета и объекта и типа взаимоотношений между компонентами ФЕ, основанных на использовании различных стилистических приемов.

ABSTRACT

Phraseological unit, consisting of two or more components, is sustainable combination of words, which is characterized by constant lexical composition and grammatical structure of a single value. EF component colors have different degrees of imagery, which depends on the nature of the relationship, and the color of the object and the type of relationships between components of Fe, based on the use of various stylistic techniques.

Ключевые слова: образность; фразеологическая единица; компонент цвета; стилистический прием.

Keywords: degree imagery; phraseological unit; color component; stylistic device.

Фразеологические единицы и их актуализация в речи в настоящее время является объектом многочисленных лингвистических исследований. Существуют различные критерии определения фразеологизмов и их классификации: с точки зрения исконного происхождения, заимствований, эмоционально-стилистических свойств, синтактико-грамматических особенностей, возникновения в различных социальных сферах и т. д. Французский лингвист Шарль Балли был одним из первых, кто предпринял исследования для установления внешних и внутренних признаков фразеологических единств [1, с. 90]. В своей работе «Фразеология современного русского языка» Шанский Н.М. дает определение ФЕ, которое, с нашей точки зрения, является наиболее точным: «*Фразеологический оборот* — это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [4, с. 24].

Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер, так как специфические черты любого языка заключены в культурно-национальных коннотациях, символах, стереотипах [2, с. 71]. Наряду с полностью национальными фразеологизмами имеется много интернациональных фразеологизмов. Фразеологическая единица представляет собой, прежде всего, словосочетание, связанное семантическим единством. В речи такое единство не создается, а воспроизводится в готовом виде и функционирует как единый член предложения. Небольшие варьирования структуры фразеологической единицы не влияют на эти основные ее признаки.

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом цвета, как семантические единства, обладают различной степенью образ-

ности, которая реализуется за счет референциальной и семантико-стилистической характеристики компонентов ФЕ. Образность фразеологизмов является характерной особенностью разговорной речи и раскрытие образной подосновы фразеологизмов представляет одну из наиболее важных задач их «глобального» исследования [4, с. 23].

Степень образности ФЕ с компонентом цвета во многом зависит от **характера взаимосвязи** цвета и объекта. Эта взаимосвязь очень часто является **универсальной**, так как основные явления природы и жизненного уклада людей, в общих чертах, — универсальны. Факторы культурной и технологической глобализации также играют значительную роль в универсализации восприятия цветовых обозначений. Устойчивые взаимосвязи цвета и объекта способствуют формированию **универсальных** ассоциаций того или иного цвета с соответствующей гаммой чувственного восприятия объекта человеком. Данный факт влияет на семантику фразеологических единиц и делает её достаточно прозрачной, облегчая смысловое восприятие ФЕ с компонентом цвета. С этой точки зрения можно говорить о традиционном, универсальном восприятии цветовых компонентов, что способствует возникновению многих интернациональных фразеологизмов. Так, **белый** — светлый, чистый (в прямом смысле или по отношению к бумаге), добрый, простодушный; **чёрный** — мрачный, пессимистичный, злой, вероломный; **красный** — возмущённый, злой, смущенный, гневный, яростный; **зелёный** — молодой, невинный, экологически чистый, приближенный к природе, также злой, возмущенный, что связано с изменением цвета кожи при выражении чувств; **голубой, синий** — всё, что связано с синевой неба, водных ресурсов: небесный, мечтательный, чистый; **розовый** — оптимистичный, наивный, юный, неопытный. Компоненты цвета во ФЕ могут функционировать как прилагательные, наречия или существительные. Независимо от этого, универсальность восприятия цвета является важным фактором в понимании основной семантики таких ФЕ. Например: **voir tout en rose** — быть оптимистичным (компонент цвета “**en rose**” является наречием); **magie blanche** (компонент цвета “**blanche**” — прилагательное) — магия добрых духов; **vie grise** (компонент цвета “**grise**” — прилагательное) — бесцветная, скучная жизнь; **s'enfoncer dans le noir** (компонент цвета “**le noir**” - существительное) — погрузиться в меланхолию; **être dans le bleu** (компонент цвета “**le bleu**” — существительное) — быть неуверенным, летать в облаках и т. п. ФЕ с ярко выраженной универсальностью взаимосвязи цвета и объекта отличаются наименьшей степенью

образности, так как семантика их достаточно прозрачна и не требует понимания особенностей национальных реалий.

В семантике ФЕ взаимосвязь цвета и объекта может носить скрытый характер. В этом случае ФЕ с компонентами цвета реализуют свои коммуникативные функции в высказывании только благодаря ассоциациям, имплицитно возникающим на основе таких стилистических приёмов, как: метонимия, метафора, антитеза и др.

В исследованиях французских лингвистов стилистические приёмы называются «фигурами стиля» [5; 4]. Существуют фигуры аналогии, одушевления, замены, переноса, противопоставления, звучности, акцентирования, смягчения и др. Метонимия, как правило, основана на замене целого на часть; метафора рассматривается как фигура стиля, в основе которой лежит сравнение какого-либо предмета / явления/ с другим предметом /явлением/ без использования для этой цели слов и выражений; антитеза — на противопоставлении.

ФЕ с компонентом цвета, основанные на метонимическом переносе, воспринимаются как наименее образные в речи, так как основной их функцией является номинативно-коммуникативная и основная её цель — экономия языковых средств. Например:

un p'tit blanc — маленькая белая (стакан джина);

col blanc — белый воротничок (служащий в офисе, клерк);

un petit noir — маленький черный (чашка кофе);

col bleu — рабочий (обычно рабочая униформа синего цвета);

Некоторые из ФЕ с компонентом цвета, основанные на метонимическом переносе, являются универсальными, т. е. они соотносятся с реалиями общими для многих наций как следствие культурной глобализации: les blouses blanches — белые халаты (работники медицинского учреждения); другие — носят более национальный характер и соответствуют реалиям одной страны. Так, например, un petit gris — маленькое серое (вид шампиньона или улитки). Подобные ФЕ очень частотны во французском языке, особенно в наиболее важных для нации сферах жизнедеятельности, как, например, кулинарное искусство, где много названий различных блюд и их ингредиентов. По своей стилистической функции они широко употребительны и приближены к клишированным выражениям, что снижает их экспрессивность и образность.

ФЕ с компонентом цвета, основанные на метафорическом переносе, всегда образны, так как при метафорическом переносе конкретное значение цвета в ФЕ становится абстрактным, т. е. стилистически нейтральный компонент цвета становится стилистически окрашенным, причем эта стилистическая окраска может иметь

различную степень интенсивности. Сравните, например, выражение «*or gris*» — сплав золота, цинка и никеля и ФЕ «*or bleu*» — голубое золото (богатство, приносимое морем и туризмом). В первом случае прилагательное «*gris*» употребляется в прямом своем значении — серый цвет, который получается в результате сплава золота, цинка и никеля и данное словосочетание не является фразеологизмом; во втором случае прилагательное «*bleu*» в сочетании со словом «*or*» является метафорой, так как символизирует богатство, приносимое морем и туризмом, а всё выражение в целом является устойчивым фразеологическим сочетанием. Метафоризация компонента цвета во фразеологических единицах усиливает образность ФЕ. Однако степень образности в таких ФЕ различается и это зависит от семантических взаимоотношений компонентов ФЕ. Так, ФЕ «*avoir des idées noires*» (погрузиться в черные мысли) благодаря традиционному восприятию компонента цвета «*noire*» как нечто пессимистического, мрачного в сочетании с «*des idées*» метафоризируется, характеризую унылое настроение человека. Подобные ФЕ отличаются невысокой степенью образности, а их главной целью является придание речи определенной экспрессивности. Если же из двух компонентов ФЕ, состоящей из существительного и прилагательного, именно существительное отличается высокой степенью метафоризации, как, например, во фразеологизме «*éléphant blanc*» (дословно «слон», метафорически «нечто огромное»), компонент цвета «*blanc*» усиливает своим традиционно воспринимаемым значением «чистый, незаполненный» образное восприятие данной ФЕ, как «пустой, раздутый план». Таким образом, можно утверждать, что чем сложнее семантические взаимоотношения компонентов ФЕ, основанных на метафорическом переносе, тем выше степень её образности. Семантика ФЕ, компоненты которой взаимосвязаны между собой и с реальной действительностью отношениями метафоры, может характеризоваться еще более скрытым характером и уходить корнями в историю народа, страны, общества в целом. Семантика таких ФЕ, в результате расширения в течение какого-то времени своего первоначального значения, претерпевает определенные изменения, становится более скрытой, но при этом и более образной. Так, например, ФЕ «*un bas bleu*» (синий чулок) фактически является метонимией, обозначая женщин, носивших синие чулки, модные в конце XIX — начале XX веков. Это значение менялось в процессе расширения его значения в связи с негативным отношением общества того времени к женщинам с образованием, одевавшихся по моде, предпочитавших карьеру семейной жизни, что было довольно редким явлением того времени,

даже на Западе. За данным фразеологизмом закрепился образ незамужней ученой дамы с неказистой внешностью. В наше время подобные ФЕ можно обнаружить во многих языках и степень их образности более высокая, чем у ФЕ с компонентом цвета, основанных на простом метонимическом переносе. Во фразеологической единице “*péril jaune*” (желтая опасность) компонент цвета «*jaune*» характеризует отношение западного мира к азиатским народам как представителям желтой расы в целом. В настоящее время она встречается в языке прессы как обозначение опасности доминирования желтой расы. Данная ФЕ появилась в конце 19 века в прессе и относилась к Китаю, позже она употреблялась в связи с русско-японской войной в 1904 г. Подобные ФЕ с компонентом цвета отличаются высокой степенью образности и ассоциативной обобщенностью, что способствует усилению экспрессивности высказывания. *des syndicats jaunes* — профсоюзные организации, членов которых называли штрейкбрехерами, были созданы в 1899 г. во Франции, их символом был желтый желудь, отсюда и обозначение «желтый профсоюз», а “*un jaune*” — штрейкбрехер.

ФЕ с компонентом цвета, основанные на противопоставлении или сопоставлении двух цветов, характеризуются высокой степенью образности в любом типе высказывания. В подобных ФЕ два компонента цвета, противопоставляясь друг другу, ассоциируются с понятием контраста или неуверенности. Особенно часто это касается таких цветов, как «белый» и «черный». Так, например, за счет противопоставления компонентов цвета «белый / черный» фразеологические единицы “*l'un dit blanc, l'autre noir*” (один говорит одно, другой — другое), “*passer du blanc au noir*” (менять своё мнение, быть легкомысленным) реализуют в разных вариантах идею контраста. В структуре ФЕ возможно наличие двух компонентов цвета с похожими характеристиками, как, например, “*bleu / blanc*” (белый / голубой), которые усиливают её образность, подчеркивая значение «чистый» и обозначают «безупречную репутацию». Таким образом, как показали наши исследования, **степень образности ФЕ** многом зависит от **характера взаимосвязи** цвета и объекта и типа взаимоотношений между компонентами ФЕ, основанные на использовании различных стилистических приемов. **К наименее образным** относятся ФЕ, в которых компонент цвета реализует **устойчивые ассоциации, основанные на универсальном характере взаимосвязи цвета и объекта и на метонимическом переносе**, при котором основной функцией ФЕ с компонентом цвета является номинативно-коммуникативная функция. К ФЕ с компонентом цвета, имеющих

высокую степень образности, можно отнести все ФЕ, компоненты которых основаны на метафорическом переносе и на антитезе.

Список литературы:

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Либроком, 2009. — 398 с.
2. Маслова В.А. Культурные слои во фразеологизмах в дискурсных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. — с. 69—73.
3. Черданцева Т.З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 168 с.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.
5. Laurent Jenny. Les figures de rhétorique. Université de Genève, 2003.

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Долгова Татьяна Васильевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Омского государственного института сервиса,
РФ, г. Омск*

E-mail: dolgova_nauka@mail.ru

Охотникова Елена Петровна

*преподаватель кафедры иностранных языков
Омского государственного института сервиса,
РФ, г. Омск*

E-mail: ohotniky@mail.ru

ON THE ENGLISH BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Dolgova Tatiana

*candidate of Science, assistant professor of Omsk State Institute of Service,
Russia, Omsk*

Okhotnikova Elena

*teacher of Omsk State Institute of Service,
Russia, Omsk*

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является выявление адаптационных особенностей англицизмов в современном русском языке. Кроме того авторы рассматривают случаи орфографической вариативности и родовых колебаний заимствованных лексических единиц англо-американского происхождения. В работе использовались разнообраз-

ные методы исследования: сравнительно-сопоставительный, статистический и анкетирование. Анализ результатов показал, что употребление молодёжью англоязычных заимствований носит неосознанный характер и часто неоправданно.

ABSTRACT

The aim of this work is to identify the adaptive features of Anglicisms in modern Russian language. Besides that, the authors examine the cases of spelling variation and gender fluctuations of borrowings of Anglo-American origin. The variety of research methods is used: comparative, statistical and questioning. Analysis of the results showed that the use of English borrowings by the youth is unconscious and often unjustified.

Ключевые слова: англоязычные заимствования; орфографическая вариативность; родовые колебания заимствований.

Keywords: loan words from English; spelling variation; gender fluctuations of borrowings.

В XXI веке значительное внимание уделяется изучению процессов передачи информации между социальными группами ввиду широкого распространения средств массовой коммуникации, в частности, различного рода социальных сетей, которые, сами по себе, являются сообществами. Современное поколение уже общается даже не по мобильным телефонам, а в социальных сетях: ВКонтакте, на Facebook и др.

Язык современной «сетевой» коммуникации достаточно специфичен, как и язык любой обособленной группы людей. Он сродни терминологии. Для того чтобы успешно пройти адаптацию в том или ином социуме, необходимо владеть соответствующим средством общения. В настоящее время большую роль в решении этой задачи играет иностранный язык. В эпоху языковой глобализации национальные языки в значительной степени подвергаются «атаке» иноязычных заимствований. В частности, русский язык принимает большое количество англо-американизмов вследствие всестороннего влияния Соединённых Штатов Америки на современное глобальное общество.

Цель настоящего исследования — описать адаптационные особенности англоязычных заимствований в русском языке, рассмотреть проблему орфографической вариативности и родовых колебаний заимствованных лексических единиц. В работе использовались следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, статистический и метод анкетирования. Объектом исследования послужили англоязычные заимствования в современном русском языке.

Под влиянием развития информационных технологий и частоты использования интернет-ресурсов в национальные языки мира активно проникают иноязычные заимствования, в частности англо-американского происхождения. В некоторых странах на законодательном уровне осуществляется контроль над употреблением иностранной заимствованной лексики, например во Франции. В России, к сожалению, ситуация иная.

С началом 2000-х годов началась новая эра массовой информатизации общества. Для быстрой передачи и обмена информацией на различных уровнях активно используется английский язык как язык международного общения. Вследствие лексической лакуарности состав современного русского языка пополняется англицизмами, функционирующими в различных областях. Иллюстративными примерами могут служить следующие термины: *selfie*, *hashtag*, *Instagram*, *Interface*, *crowdfunding*.

В настоящем исследовании авторы предпринимают попытку доказать, что англо-американизмы, попадая в русский язык, имеют ряд адаптационных особенностей. Исследователи также выявляют факт орфографической вариативности и родовых колебаний заимствованных единиц. Для решения поставленной задачи было проведено анкетирование обучающихся высших учебных заведений (в количестве 84 человек). Участникам анкетирования было предложено заполнить опросный лист (Приложение № 1), анализ результатов которого послужил основой данной работы.

Первая часть анкеты включала аспекты, касающиеся узнаваемости и частоты употребления иноязычных заимствований в русской речи. Кроме того, материалы анкеты содержали вопросы употребления конкретных англицизмов в молодёжной среде: *selfie*, *hashtag*, *Instagram*. Также обучающимся предлагалось записать вышеуказанные лексические единицы на русском языке и определить их род.

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных (90 %) часто используют англицизмы в устной и письменной речи. Термины, выбранные авторами анкеты, являются узнаваемыми для 65 % студентов. Примечательно, что участники анкетирования используют латинский алфавит для записи данных терминов. В качестве эксперимента обучающимся было предложено записать вышеупомянутые заимствования на русском языке. Однако это вызвало определённые затруднения.

В результате эксперимента был выявлен факт орфографической вариативности. Термин *selfie* 47 % студентов записали как «селфи», остальные использовали вариант написания «селфи». Аналогичная ситуа-

ция была выявлена в случае с термином *hashtag* («хэштег» и «хэштэг»). По окончании анкетирования большинство опрошенных прокомментировали, что данное задание вызвало определённые затруднения.

Один из вопросов анкеты касался определения грамматической категории рода у предложенных иноязычных слов. Анализ результатов выявил наибольшую дифференциацию ответов. Часть студентов (46 %) предположили, что слово *selfie* может быть женского рода по аналогии с русским словом *фотография*. Другая часть опрошенных (34 %) отнесли данное слово к среднему роду, ссылаясь на русское слово *фото*. При этом возникли следующие возможные варианты словосочетаний: *моя selfie* и *моё selfie*. Остальные учащиеся затруднились ответить на заданный вопрос.

Что касается слова *hashtag*, большинство опрошенных (85 %) отнесли его к мужскому роду. Отметим, что подобное заключение было сделано на основании звуковой ассоциации с русскими словами *бег*, *шаг*, *флаг*. Определение категории рода у слова *Instagram* не вызвало спорных моментов. Почти единодушно (95 %) участники анкетирования отдали предпочтение женскому роду, опираясь на уже функционирующие в русском языке лексические единицы греческого происхождения *программа*, *диаграмма* и т. п.

Определённый интерес вызвали словосочетания с термином *Instagram*, в частности употребление с ним русских глаголов: *добавить в Instagram*, *разместить в Instagram*. По сравнению с аналогичными терминами *Internet*, *Facebook*, *Twitter*, уже в определённой степени ассимилированными в русском языке и имеющими соответствующие падежные окончания, вышеуказанный термин недостаточно адаптирован носителями русского языка.

Наибольшие затруднения вызвал вопрос анкеты относительно подбора русского эквивалента вышеуказанным англицизмам. Как показали результаты исследования, лишь 30 % опрошенных правильно определили семантику иноязычных терминов. На практике употребление данных слов носит преимущественно рефлексорный, неосознанный характер.

Несмотря на неявную семантику англоязычных заимствований на их основе, преимущественно в социальных сетях, стали появляться новые словообразования, так называемые авторские окказионализмы. Например, от *selfie* образована лексическая единица *momfie* или *mamfie*, что означает «*selfie с мамой*». Многочисленные примеры можно встретить в интернет-ресурсах [2].

Таким образом, исследование показало, что современные англоязычные заимствования в русском языке имеют разную степень

адаптации. Однако большая часть лексики подобного рода легко проникает в словарный состав русского языка, вне зависимости от не всегда чётко выявленной семантики заимствованного слова. Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что слово «*selfie*» только к 2013 году стало достаточно распространённым, что позволило включить его в Оксфордский онлайн-словарь английского языка [1]. Дискуссионным остаётся вопрос орфографической вариативности и родовых колебаний у заимствованных англоязычных слов в русском языке.

Данная исследовательская работа, по мнению авторов, имеет большую практическую значимость в условиях языковой глобализации и сохранения целостности национальных языков, в частности русского языка. Результаты исследования в полной мере подтвердили актуальность выбранной темы и позволяют продолжить дальнейшую работу в данном направлении.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Анкета

1. Используете ли Вы в своей речи иноязычную лексику (англицизмы и американизмы)?

- да;
- нет.

2. Как часто Вы используете в своей речи иноязычную лексику (англицизмы и американизмы)?

- никогда;
- редко;
- часто.

3. В каких ситуациях общения Вы используете иноязычную лексику?

- официально-деловой стиль;
- разговорная речь;
- письменная речь.

4. Используете ли Вы в своей речи слова *selfie*, *hashtag*, *Instagram*?

- да;
- нет.

5. Знаете ли Вы, какого рода эти слова *selfie*, *hashtag*, *Instagram*?

- женского;
- мужского;
- среднего;
- затрудняюсь ответить.

6. Какой тип письма используете при употреблении данной лексики?

- латиница;
- кириллица.

7. Понимаете ли Вы значение этих слов?

- да, точно знаю;
- частично догадываюсь;
- нет, понятия не имею.

Список литературы:

1. Группа «Прямая речь». А для вас что стало словом года? // Коммерсантъ Деньги. — 2013. — № 50. — С. 28.
2. Проакции.рф [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://proactions.ru/actions/blogi-forumu/everydayme-ru/mif-mamfi.html>. (дата обращения: 29.12.2014).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ КОНЦЕПТОВ «АК», «БЕЛЫЙ», «WHITE» В ТАТАРСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Королева Наталья Евгеньевна

*доцент, канд. пед. наук, Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального университета,
РФ, г. Набережные Челны
E-mail: Koroleva_NE@mail.ru*

Сахапова Фарида Ханифовна

*доцент, канд. пед. наук, Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального университета,
РФ, г. Набережные Челны
E-mail: sakh.farida@gmail.com*

Мукаева Руфина Вильевна

*студент I курса Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального университета,
РФ, г. Набережные Челны
E-mail: muckaeva.rufi@yandex.ru*

THE SEMANTIC SIMILIARITY AND DIFFERENCE OF THE CONCEPT OF “AK», "БЕЛЫЙ», “WHITE” IN TATAR, ENGLISH AND RUSSIAN

Koroleva Natalya

*docent of the Foreign Languages Department Kazan federal University,
Institute in Naberezhnye Chelny (branch),
Russia, Naberezhnye Chelny*

Sakhapova Farida

*docent of the Foreign Languages Department Kazan federal University,
Institute in Naberezhnye Chelny (branch),
Russia, Naberezhnye Chelny*

Muckaeva Rufina

*student Kazan federal University, Institute in Naberezhnye Chelny (branch),
Russia, Naberezhnye Chelny*

АННОТАЦИЯ

Данная статья анализирует наиболее известные определения концепта и выявляет те их составляющие, которые выделяются большинством авторов, а также рассматривает семантическое и грамматическое сходство и различие концептов “ak”, «белый», “white” в татарском, английском и русском языках путем сопоставительного подхода.

ABSTRACT

This article analyzes the most well-known definitions of the concept and identifies those of their components, which are released by most authors, as well as considers the semantic and grammatical similarities and differences between the concepts “ak”, «белый», “white” in Tatar, Russian and English languages through a comparative approach.

Ключевые слова: концепт; цвет; семантика; грамматическая категоризация; сопоставительный подход.

Keywords: concept; color; semantics; grammar category; a comparative approach.

Концепт — это сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт и не имеет однозначного толкования в науке о языке. Концепт, как понятие, по мнению Ю.С. Степанова, можно представить, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой

стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7, с. 54].

Н.А. Красавский рассматривает концепт как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нём человека» [4, с. 37].

Е.С. Кубрякова определяет концепт как многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нём [5; с. 90—93].

Мы полагаем, что в концепте отражены культура, сам человек, образ его мышления и, следовательно, то, как общество воспринимает данную действительность.

Концепты представлены достаточно большим количеством языковых единиц. Исследуя семантическое сходство и различие концептов “ак” в татарском, “white” в английском, «белый» в русском языках, удалось выявить позитивное, негативное и нейтральное значение данного концепта в данных языках.

Белый уже в глубокой древности был отмечен и выделен как особый цвет. Вместе с красным и черным он входил в триаду основных цветов. Это свое значение он сохранил и до настоящего времени. Значения белого в основном позитивны: белый означает всяческое благо, радость, чистоту, здоровье, приумножение потомства, мир, согласие. Во многих мировых религиях белый цвет является священным символом. Например: в английском языке as white as snow, так в русском языке «белоснежный», в татарском языке «кар кебек ап-ак» означает красивый, свежий, чистый.

Конечно же, не были не замечены и негативные значения белого: старость, седина, смерть, болезнь, страх и пороки. В английском языке as white as a sheet, white-lipped, а в русском языке «белый как смерть», очень бледный (признак нездоровья), агарып каткан (страх, стресс, шок).

Некоторые значения прилагательного «белый» нейтральны и не меняют свое семантическое значение в свободных словосочетаниях, указывая только на цвет объекта. Например: в английском языке A white dress; в русском языке — белое платье; в татарском языке ак күлмәк.

Например: A white dress: I've bought a white dress.

Белое платье: Я купила белое платье.

Ак күлмәк: Мин бүген ак күлмәгемне кийдем

Данные примеры демонстрируют сходство семантических значений, но прослеживаются и различия. Например, в русском и в татарском языках словосочетание «белая бумага», «как кәгазь» означает «окра-

шенный в белый цвет», в английском же языке это и «пустой», «ненапечатанная область на листе» “blank”, “an unprinted area of a page”.

В грамматической категоризации концептов “ак”, “white”, «белый» тоже имеется сходство и различие. “Ак”, “white”, «белый» — качественные прилагательные, обозначающие цвета и отвечают на вопросы нинди? (в татарском языке), what? (в английском языке), какой?, какого цвета? (в русском языке).

В татарском языке “ак” и в английском языке «white» не изменяются ни по родам, ни по числам. В татарском языке, если необходимо выразить родовой признак, добавляются слова ана, ата (мать, отец); ата каз. В русском языке прилагательное «белый» изменяется как по родам, так и по числам. Например:

Изменение прилагательных по родам и числам

Таблица 1.

английский язык	татарский язык	русский язык
<u>white lion</u> (м.р.)	<u>ак</u> ат (ата) (м.р.)	<u>белый</u> котенок(м.р.)
<u>white lioness</u> (ж.р.)	<u>ак</u> кәжә (ана) (ж.р.)	<u>белая</u> кошка(ж.р.)
<u>white cats</u> (мн.ч)	<u>ак</u> этләр (мн.ч)	<u>белые</u> котята (мн.ч)

В татарском языке имя прилагательное «ак» и в английском языке «white» не изменяются по падежам. В русском языке же прилагательное «белый» склоняется.

Склонение имен прилагательных

Таблица 2.

<i>Им.п</i> <u>белое</u> платье	Баш к. (им.п.) ак эт
<i>Род.п</i> <u>белого</u> платья	Иялек к. (притяж. П.) <u>ак</u> этнең
<i>Дат.п</i> <u>белому</u> платью	Юнәлеш к. (направ.п.) <u>ак</u> эткә
<i>Вин.п.</i> <u>белое</u> платье	Төшем к.(винител.п.) <u>ак</u> этне
<i>Твор.п.</i> <u>белым</u> платьем	Чыгыш к. (исходный п.) <u>ак</u> эттән
<i>Пред.п.</i> о <u>белом</u> платье	Урын-вакыт к. (мест-времен.п.) <u>ак</u> эттә

Во всех трех языках имена прилагательные имеют степени сравнения:

Степени сравнения прилагательных

Таблица 3.

Положительная	Сравнительная	Превосходная
Белый	белее	белейший (наиболее белый)
White	whiter	the whitest
Ак	агырак	ап-ак

В русском языке имя прилагательное «белый» в предложениях может играть роль:

1. определения: Вчера на пикнике я нечаянно испачкала мою белую футболку.

2. сказуемого: Мое платье белое.

3. именной части составного именного сказуемого: Хризантемы были белые.

4. подлежащего: Белый обозначает цвет.

В татарском языке прилагательное «ак» может быть:

1. определением: Минем туган авылымда ак каеннар усә.

2. сказуемым: Минем челтәрем ак.

3. подлежащего Ак – ул төс.

В английских предложениях имя прилагательное «white» может играть роль:

1. определения: Kate has got a luxury white car.

2. именной части составного именного сказуемого: The walls of the house are white.

3. подлежащего: White is a colour.

В русском языке прилагательное «белый» может иметь краткую и полную форму: белый — бел. Например: Его лицо белое как снег. Он был бел как снег.

В английском языке от прилагательного «white» могут образовываться:

1. другие прилагательные: white — white-headed, white-handed, white-hot, white-livered, white-lipped, white-haired;

2. существительные: white — whitespace, white-throat, whitecap, whitethorn, whitesmith, whitewash, whitewater;

3. глаголы: white — to whiten.

В русском языке от имени прилагательного «белый» могут образовываться:

1. существительные: белый — белизна, побелка, беловик;

2. глаголы: белый — белить, побелить, выбелить;

3. другие прилагательные: белый — беленький, беловатый, белесый.

В татарском языке от имени прилагательного «ак» могут образовываться:

1. существительные: ак — акбур, аккош;

2. глаголы: ак — аклау, агарту;

3. другие прилагательные: ак — аксыл.

Таким образом, концепты “ак”, “white”, «белый» имеют грамматическую категоризацию и могут образовывать новые слова.

Сопоставительный анализ концептов “ак”, “white”, «белый» в русском, татарском и английском языках позволил выявить их семантическое и грамматическое сходство и различие и концептуализацию действительности носителями каждого из сопоставляемых языков.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. Волгоград, «Перемена», 1996. — С. 3—16.
2. Карасик В.И. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. — 352 с.
3. Карасик В.И. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. — 356 с.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах. Монография. Научный редактор: доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
5. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., изд-во МГУ, 1996. — С. 90—93.
6. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике, 2001
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. — С. 40—76.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ КОННОТАЦИИ НОМЕНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Нахапетова Ольга Витальевна

*преподаватель кафедры украиноведения,
историко-правовых и языковых дисциплин
Одесского национального морского университета,
Украина, г. Одесса*

E-mail: nahapetova07@mail.ru

FEATURES OF ETHNO-CULTURAL CONNOTATIONS OF NOMENS DENOTING FAMILY RELATIONSHIPS

Olga Nakhapetova

*lecturer of the chair of Ukrainian studies, legal, historical and linguistic
disciplines of Odessa national Maritime University,
Ukraine, Odessa*

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности культурно-национальной коннотации номенов, обозначающих родственные отношения в русском, украинском и английском языках.

ABSTRACT

The features of cultural and national connotation of nomens, designating family relations in the Russian, Ukrainian and English languages open up in the article.

Ключевые слова: коннотативные отношения; культурно-национальная коннотация; термины (номены) родства

Keywords: connotative relations; cultural and national connotation; terms (nomens) of kinship.

Изучение культурно-национальных коннотативных отношений входит в широкий круг знаний, соотносящихся с социальной действительностью. Усвоение этих социокультурных знаний — важнейшее условие изучения и использования языка как способа общения.

Традиционно коннотация рассматривается как совокупность эмоционального, оценочного, экспрессивного и стилистического компонентов.

«Коннотация (ср. лат. *connotatio*, от *connoto* — имею дополнительное значение) — эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) илиokkaзионального характера» [1, с. 236].

Как разновидность прагматической информации, коннотация отражает не сами предметы и явления, а определённое отношение носителей языка к ним. Коннотативные значения могут быть языковыми (заложенными в семантике языковой единицы) и речевыми (возникают в случае специфического, несоответствующего использования той или другой единицы в речи).

Лексическая система языка является одной из основных форм объективации языкового сознания человека. Культурно-национальная

коннотация позволяет выделить так называемый «культурный компонент» лексического значения.

Коннотативные отношения в языке исследовали А.Н. Кожин, Н.А. Лукьянова, И.А. Стернин, В.К. Харченко и другие учёные-лингвисты.

Разнообразии взглядов на структуру коннотации, различии компонентов и качественного состава определили неоднозначность понимания её места и роли в структуре значения слова. Как правило, традиционно выделяются три компонента коннотации: эмоциональный, оценочный и экспрессивный. Они являются равноправными компонентами семантической структуры языковой единицы. «Мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с называнием объекта оценки» [3, с. 7].

Будучи неразрывно связанной с языковыми единицами, культурно-национальная коннотация придаёт экспрессивно-эмоциональную окраску словам, которые являются своеобразным кодом представителей разных национальностей и этносов.

Цель настоящей статьи — раскрыть особенности культурно-национальной коннотации номенов, обозначающих родственные отношения в русском, украинском и английском языках.

Культурно-национальная коннотация особенно полно отображается в системе терминов (номенов) родства и родственных отношений, корнями уходящих в историю народа, его быт, обычаи и традиции. Термины родства стали предметом постоянного внимания лингвистов и этнологов при проведении сравнительно-исторических исследований.

Славянские термины родства в целом и в украинском языке в частности исследовали А.А. Бурячок, М.В. Гримич, В.В. Парасунько, О.Н. Трубачев, Ф.П. Филин. Однако большое количество материала осталось без внимания, что свидетельствует об актуальности исследования.

Первоначально семейные отношения строились на отношениях кровного родства. По мнению О.Н. Трубачёва, «собственно терминами кровного родства являются названия *отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры*; дальнейший счет прямого кровного родства по нисходящей линии — *внуки, правнуки*, по восходящей — *дед, бабука* и т. п.; названия *дяди, тетки* (по отцу, по матери). Сюда же фактически примыкают различные термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровнородственным, т. е. названия *отчима, мачехи, пасынка, падчерицы*» [2, с. 18].

С течением времени брачно-семейные отношения усложнились, возникла «терминология свойственного родства, которая в общем

противостоит кровному родству как родство по браку» [2, с. 88]. Так возникли номены *супруг, супруга, зять, невестка, теща, тесть, свекровь, свекор, шурин, золовка, деверь* и др. У каждого народа, имеющего моногамную семью, система родственных отношений делится на прямую и несколько боковых линий.

Современная система номенов родства по прямой линии, существующая в русском, украинском, английском языках, охватывает, как правило, не больше четырех поколений как в восходящем, так и в нисходящем направлении. Степень родства между ними не одинаковая. Различают родство по прямой линии первой степени (между родителями и их детьми) и второй степени (между детьми и правнуками). Поэтому при переводе на другой язык довольно трудно передать образность, национальное своеобразие значения номенов, обозначающих родственные отношения.

Несмотря на то что у представителей русской, украинской и английской культур в языке существует общая система терминов родства, номены, обозначающие родственные отношения, семантически отличаются. Это обусловлено культурно-национальной коннотацией. Заложенные в семантике номенов родства коннотативные значения являются доминирующими в данных языках, так как передают сущность отношений коммуникантов данных этносов.

Для русских и украинцев всегда семья, родственные отношения считались наивысшей ценностью. Семья — это основа миропорядка, ценностный ориентир.

В украинской культуре есть красивый обычай: отправляя сына в дальнюю дорогу, мать дарит на память вышитый *рушник* (укр.), который всегда будет напоминать о родной семье, о родном доме.

Система номенов свойственного родства включает отношения по браку между мужем, с одной стороны, и женой и её родственниками, с другой стороны; между женой, с одной стороны, и мужем и его родственниками, с другой стороны; отношения между родителями мужа и жены и их родственниками.

Эта система номенов родства отличается разнообразной коннотативной семантикой в русском и украинском языках. В английском языке нет эквивалентов с таким же коннотативным значением.

В русском языке независимо от степени родства (родные, двоюродные, троюродные) братья и сёстры называются братьями и сёстрами, т. е. во всех степенях употребляется слово *брат* или *сестра*. Объясняется это тем, что такие далекие родственники, как *троюродный брат* (рус.) — *троюрідний брат* (укр.); *троюродная сестра* (рус.) — *троюрідна сестра* (укр.); *прадедушка* (рус.) — *прадідуся*

(укр.); *прабабушка* (рус.) — *прабабуся* (укр.); *свояк* (рус., укр.); *шурин* (рус.) — *швагер* (укр.); *свояченица* (рус.) — *своячка* (укр.), занимают важное место в жизни русского и украинца, о них довольно часто вспоминают и говорят.

Номены, обозначающие родство, не принадлежат активному словарю англичан. Резкое разграничение первой и второй степеней родства подчеркнуто разницей в их лексическом обозначении: *brother*, *sister* — первая степень родства, *cousin* и *second cousin* — вторая, третья и более отдаленные степени родства, *cousins* — двоюродные братья и сёстры. Так, в английском языке уже при двоюродной степени родства появляется слово “*cousin*”, которое участвует в словообразовании степеней и дальнего родства.

Традиционно для англичан не характерны контакты с дальними родственниками, только ближайший семейный круг является важным и ценным для них. Они, как правило, не придают значения дальним родственным связям. Даже в тесном семейном английском кругу отсутствует та забота и опека, свойственная русской и украинской семье.

Достаточно некорректно звучат в устах англичанина такие слова, как «*мамця*», «*бабця*» в разговоре с украинцем, особенно, если последний называет так своих родственников. Барьером в общении между людьми этих двух указанных национальностей может стать также чрезмерная эмоциональность украинца или русского в разговоре о неполадках в родственных отношениях с *тёщей* или *тестем*, *свёкром* или *свекровью*. Ведь консервативный англичанин практически не общается с “*mother-in-law*” и “*father-in-law*”, не интересуется их жизнью, их проблемами. Он живёт вместе со своей семьёй в своём доме.

Негативно-эмоциональный коннотативный оттенок значения слова *свекруха* (укр.) — *свекровь* (рус.) не позволяет использовать эти понятия при обращении к свекрови для выражения уважения и любви. Таким образом, используются другие формы слов украинского языка, которые несут более позитивное коннотативное значение: *свекрухонька* (укр.) — *свекрушенька* (рус.) и слово *мама*. В английском языке слово *a mother-in-law* имеет более «высокое» значение, поэтому, используя его, информант выражает уважение к *a mother-in-law*. Так как система терминов родства выражает родственные отношения, коннотация позволяет отражать сущность этих взаимоотношений и, окрашивая семантику слов, может использоваться в разных стилях коммуникации. Так, например, формальное общение не содержит слов с уменьшительным значением, поэтому такие термины, как *мамочка* (рус.) — *матусю* (укр.) и *титту* (англ.), не могут быть использованы в официально-деловом общении.

Коннотативное значение слов «кум», «кума», «крестный», «крестная» англичанин поймет только тогда, когда будет осведомлен о тесных взаимоотношениях русских и украинцев с крестными или кумовьями.

Понятия «кум», «кума», «кумовья» используются для названия людей, которые крестили младенца и стали таким образом «крестным отцом» и «крестной матерью» для «крестного сына» или «крестной дочери». Родителей крещеного ребенка также называют «кумовьями». Как правило, при обращении используются краткие номены «крестные». Для передачи значения «крещеный ребенок» используют номены «крестник», «крестница». Эти номены не несут отрицательного семантического оттенка и имеют в украинском и русском языках ласкательное значение. В английском языке таких понятий не существует.

Таким образом, терминология, обозначающая родственные отношения, занимает должное место в лексической системе русского, украинского, английского языков. Она отличается национально-коннотативным компонентом и обусловлена различием в ментальности каждого из этих народов.

Список литературы:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — 709 с.
2. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древних терминов. М.: АН СССР, 1959. — 212 с.
3. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу. Волгоград: Изд. ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. — 96 с.

СЕКЦИЯ 3.
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

КАМЕРНО-ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКА Е.К. ГОЛУБЕВА

Наумов Александр Владимирович

*канд. иск., доцент
Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского,
РФ, г. Москва
E-mail: alvlnaumov@list.ru*

CHAMBER VOCAL MUSIC BY E. GOLUBEV

Alexander Naumov

*candidate of fine arts, associate professor
of Moscow State conservatory,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья представляет ряд сочинений известного советского композитора Е.К. Голубева (1910—1988) для голоса с фортепиано, писавшихся на протяжении всей жизни, в контексте эволюции стиля автора, а также на фоне важнейших тенденций современного ему отечественного музыкального искусства.

ABSTRACT

The article presents works for voice and piano by well-known soviet composer E. Golubev (1910—1988) that he composed during all of his life, in the context of the author's stylistic evolution and against the background of the main tendencies in the music of his time.

Ключевые слова: Голубев; Пушкин; Лермонтов; романс; вокальный цикл.

Keywords: Golubev; Pushkin; Lermontov; romance; song-cycle.

Даже на фоне общей малоизученности творчества Е. Голубева (1910—1988), вокальная музыка этого композитора предстает маргиналией из маргиналий. В единственной на данный момент монографии [6] сочинения для голоса главным образом перечисляются, в то время как основное внимание исследователя сосредоточено на крупных инструментальных и хоровых композициях. Другие ученые обращают внимание на этого мастера в лучшем случае «по касательной», в связи с теми или иными ситуациями общественно политической жизни [2], судьбой отдельных жанров в музыке XX в. [1] или персоналиями учеников [8]. Упоминаний последнего рода особенно много; подлинный наследник своего великого профессора Н. Мясковского, Е. Голубев успешно и с увлечением преподавал, выпуская ежегодно композиторов самых разных творческих индивидуальностей. В его лице нашли убедительного проповедника и традиционные постулаты московской школы — открытость лирической экспрессии, мелодизм, устремленность формы к кульминации и многоуровневая, полифоническая фактурная проработка, — и ценности типично-петербургские: поиски индивидуальной темброво-регистровой красочности, разнообразий ритмических «игр», приемы оркестровки. Всем арсеналом современного композиторского «инвентаря» Е. Голубев виртуозно владел, подкрепляя школьные истины собственным художественным примером, и, в то же время, умея преподнести сущность мастерства студентам, не ущемляя их склонности к самовыражению. Его любили и уважали — это чувствуется в относительно редко публикуемых, но всякий раз предельно искренних высказываниях коллег разного возраста.

При том авторитете, которым пользовался Голубев в профессиональной среде, историческое положение его фигуры никогда не было ясным, также как не было устойчиво закреплено его место в композиторской иерархии послевоенного СССР. Исполняемый, но не перевозимый в печати (рецензий всегда было мало); принимаемый публикой, но не слишком популярный в силу сложности, «интеллектуальности»; поддерживаемый властью предрержащими, но не выдвигаемый в первые ряды президиумов (туда, впрочем, и сам не стремился). Прямой, достаточно резкий, нелицеприятный в открытых обсуждениях и дневниковых записях, он был «неудобен» — это первая причина прижизненной полуизвестности и посмертного полужабвения (вторая, конечно — талант). В некотором смысле, против него сыграл сам момент появления на музыкальный «свет» — на 4 года позже

Д. Шостаковича, на 5 лет раньше Г. Свиридова; именно между двумя этими именами он обычно «втискивается» в панораме событий отечественной музыки. Не застав авангардной взволнованности 1920-х, не попав на празднество послереволюционных проб и ошибок, принял зато, как и многие сверстники, основные удары крепчающей идеологии сталинизма, пробовавшей свои когти и зубы на молодых и оставлявшей незаживающие раны постоянной душевной настороженности, замкнутости и недоверия. Не обрел ни мученического ореола, ни победоносной самости, музыка с самого начала несла печать прекрасно осознаваемой интеллигентной, углубленной и строгой выдержки, — качества заведомо чужого обществу победившего пролетариата. О себе в минуту злого юмора записал: «Находясь фактически в подполье, я продолжал работать. И в некоторых отношениях нахожу, как это ни покажется парадоксальным, преимущественно своего положения» [4, л. 71].

Вокальные произведения всегда были наиболее уязвимы и в плане выбора поэтических текстов, и по складу музыкальной интерпретации. Для Голубева данная сфера творчества стала и, как принято говорить, лирическим дневником (учитывая наличие такового в традиционной литературной форме — скорее звуковым приложением к дневнику), и свидетельством неразрывной связи с эпохой — здесь отметились, все тенденции, возникавшие на советском музыкально-стилевом горизонте. Была она и отзвуком тектонических процессов, бушевавших в недрах души, отчасти излившихся на поверхность, а отчасти и оставшихся не реализованными, затаенными навеки. Противоречивость, разносторонность сочинений для голоса и фортепиано, наличие в их перечне почти несовместимых крайностей делает эту сферу наследия композитора притягательной для исследователя — как готовый слепок истории жанра своего времени. Особый интерес она составляет и для исполнителей, хотя как раз их вниманием Голубев избалован не был.

Согласно свидетельству А. Санько, первый вокальный опус был предъявлен Голубевым уже при поступлении в консерваторию в 1931 г. Речь идет о поэме «Реквием (“Если день смерти...”) памяти В. Ленина» для голоса и фортепиано [6, с. 10]. По общественному настроению начала 1930-х сочинение такого рода вполне обычно — пафос ленинской памяти тогда существовал в своем первоизданном, не искаженном конъюнктурой виде и породил на свет замечательные сочинения вроде Симфонии «Ленин» В. Шебалина на стихи В. Маяковского (1931) или Симфонии №3 «Реквием» Д. Кабалевского (1933). Несмотря на несомненную искренность автора и «неподсудность» заявленной им темы, экзаменаторы усмотрели в предъявленной

работе реакционный умысел, поставив под угрозу поступление и преподав молодому музыканту раз и навсегда урок политической осмотрительности. Плоды нравственной экзекуции он будет до конца жизни вытравливать из своего сердца, но так и не сумеет одержать верх в мучительном диалоге с собственной совестью. Как и многие современники, станет выбирать относительно нейтральные сюжеты и тексты, обходить острые углы; в лучшем случае — высказываться «эзоповым языком».

Случай подобного рода представился в 1936 г., когда, только что защитив диплом с имевшей некоторый резонанс ораторией «Возвращение солнца» на тексты песен народов крайнего Севера (ор. 5, 2-я ред. 1980), Голубев включился в общесоюзную «пушкинскую гонку» навстречу 100-летию со дня гибели поэта. **Три романса ор. 8 на стихи Пушкина** — «Кто, волны, вас остановил?», «Эхо» и «Я помню чудное мгновенье» — имели достаточно представительную «родословную» в отечественной вокальной лирике, от М. Глинки до Ю. Шапорина: выбор стихов для поэтического либретто и его компоновка, важнейшие характеристики звукового мира «расшифровывались» просвещенной публикой однозначно. Пушкин у Голубева — типичный «смутный гений» середины 1930-х, такой же, как в циклах Свиридова, Шостаковича, Шебалина и пр. Через хорошо известные, освященные столетием строки просвечивали сегодняшние тревоги, обиды, страхи. Все романсы ор. 8 минорны, даже *E-dur* «Чудного мгновенья» непрерывно смазывается добавленным звуком *cis*, создающим эффект устойчивой двусмысленности тоники. Контраст между этим номером цикла и шедевром Глинки особенно впечатляет: хроматическая, с использованием множества созвучий с пониженными тонами система основной темы, возвращающейся, как того требует структура стихотворения, в репризе (правда, с полутоновой транспозицией), противопоставлена ясному и оттого особенно мрачному минору середины, берущей на себя роль смыслового центра. *Заточение*, а не *пробуждение* становится здесь главным символом, подобно тому, как Шостакович сосредоточил драматические центры двух своих пушкинских опусов вокруг «Стансов» (1936) и «Во глубине сибирских руд» (1949). Способом акцентировки важнейшей мысли является здесь разрежение фактуры — вплоть до полного снятия фортепианного сопровождения. В такой же страшной тишине, как воплощение аллегории крайнего одиночества и пустоты, звучат выделяемые композитором слова «Эха» («...тебе ж нет отзыва») и «Волн» («Где ты, гроза?»).

Романсовый дебют определил основу творческого метода в работе с голосом, роялем и словом: фортепианно-вокальный ансамбль неизменно существует в виде двух пластов, сомкнутых между собой главным образом на основании единого метро-ритма. Мелодические рисунки вокальной строки, приемы декламации, текст-музыкальные соответствия типологически неизменно обращены «назад», в сторону великих традиций московской лирики П. Чайковского, С. Танеева и А. Аренского, а за ними усматриваются тени предшественников и более ранних десятилетий — вплоть до А. Гурилева и А. Варламова. Здесь словно подтверждается неоднократно слышанный впоследствии учениками афоризм: «Самое главное в произведении — яркая, выразительная тема» [цит. по 6, с. 29]. Партия фортепиано напротив, апеллирует к опыту московских композиторов-пианистов — последователей А. Скрябина и старших современников самого Голубева: С. Фейнберга, Ан. Александрова, А. Шеншина и др. Усложненность гармонии и фактуры сопроваждения, входящая порою в стилевой конфликт с рисунком вокальной строки, навеивает мысли о дополнительном интеллектуальном усилии, приложенном к этому противопоставлению, о его если не нарочитости, то подчеркнутости в процессе проработки сочинений. Порой кажется, что мелодия имела поначалу простой тональный аккомпанемент, а затем была оплетена диссонирующими гирляндами, подобно тому, как сами стихотворения Пушкина имели некогда иной облик в романсах Ц. Кюи или Н. Римского-Корсакова. Пришедшие новые времена словно бы исказили знакомые черты, смяли гармоничные контуры, нарушили пропорции и соответствия. Возможно, именно это свойство отпугивало и отпугивает исполнителей. В дневнике Голубева есть запись: «Передал ноты пушкинского цикла Н. Дорлиак» [3, л. 27об], но нигде нет сведений об исполнении певицей этой музыки, хотя она едва ли труднее в разучивании, нежели входившие в ее репертуар в разные годы сочинения С. Прокофьева и Д. Шостаковича.

То, что вызывает смешанные чувства в связи с хорошо знакомой по романсам XIX в. лирикой Пушкина, пришлось куда более «ко двору» в «Смерти поэта» на стихи М. Лермонтова (1938 г., первоначально для голоса с оркестром ор. 17, позднее (1965 г.) — в редакции с фортепиано, ор. 43). Резкость гармоний, рваность регистров и речитативная декламационность линий логично сочетались с образным и синтаксическим строем стиха, отчасти опровергая утверждение исследователя об исключительной кантилене вокального Голубева [6, с. 50]. Впрочем, эта вокальная поэма так и остается особняком в ряду аналогичных опусов композитора, ее логичнее связывать по смыслу

с его же «Пятью пьесами для фортепиано памяти М.Ю. Лермонтова» ор. 18, а также с аналогичными «гражданственными» сочинениями сверстников (см. напр. романс Б. Майзеля «Нет, я не Байрон», 1940 г.).

Очень удачным выглядит параллелизм разнородных музыкально-стилевых элементов в цикле «**Семь песен хантейских детей**» (ор. 13, 1938—1940). Продолжая по смыслу «северную» линию в творчестве своего автора, он вплотную подходит к тем проявлениям неофольклорной тенденции, которые откроют новую страницу истории отечественной музыки в 1950-х гг. Голубев словно перекидывает мост от традиционных романтических и проромантических гармонизаций народных напевов к технике свободной развивающей вариации, использующей в качестве центрального элемента (термины Ю. Холопова [9]) отдельные звуковысотные или ритмические ячейки исходных моделей, трактуемые не как целостность, но как материал для творческой переработки. Мелодии, избираемые им, предельно просты, архаичны, малозвуковые ангемитонные лады, в самом развитом варианте достигающие пентатоник, кратная ритмика, двудольная метрика — все балансирует на грани примитива, поддерживая наивность слов вроде “Бурундук-бурундук, мой зверюшка бурундук...” (№ 2) или “Большая собака Питес, мы с тобой дружны, ты лучший сторож, лучше всех собак...” (№ 3). Фортепианная партия действует почти полностью обособленно. Она то рисует картины настроений (кантиленные подголоски передают нежность к брату в № 5, «Юрины сапоги», былинные *arpeggiato* — гордость за юношу, будущего охотника и воина в № 7, «Братец Пуркоп»), то иллюстрирует происходящее (форшлагги — прыжки птицы в № 1 «Трясогузка», короткие лиги — движения зверька в № 4 «Зайчик»). При этом, благодаря резковатым гармоническим краскам, сюжет неизменно помещается на фон современности, в пейзажные рамы середины XX в. Так впоследствии Г. Свиридов будет описывать пейзажи курских равнин глазами горожанина, давно деревню покинувшего, ощущающего собственную оторванность от чистоты немудреных радостей сельского быта, невозстановимость первоизданной душевной гармонии, но ностальгически приникающего к самым крохотным «музыкальным окошкам» в прежнюю жизнь.

Дальше в жизни Голубева была война. Центральным свершением начала 1940-х, много значившим для репутации композитра как гражданина, была мужественная, бескомпромиссно-трагичная оратория «Герои бессмертны», без лака и глянца передававшая и величие русского воинства, и ужас гуманитарной катастрофы, разразившейся в Европе и перекинувшейся на СССР. Однако

подобные монументальные воплощения батальной темы составляли для отечественного слушателя лишь половину композиторского вклада в дело общей победы и ее праздников. Не меньшим успехом пользовались и те, кто писал песни — лирические и массовые, наполнившие фоносферу эпохи неповторимыми вибрациями живого чувства. Голубев внес свой вклад и в эту копилку. Нельзя сказать, что его «**В степи за рекою**» (ор. 19, 1939) и «**Баллада о Волге**» (ор. 29 № 1, 1950) могут сравниться с «Голубым огоньком» или «Вечером на рейде», но в них легко увидеть влияние соответствующих ветвей популярного жанра, и работы не выглядят натужными экспериментами. Вдохновению Голубева были подвластны и такие, не слишком тонкие материи, не станем умалчивать об их существовании.

Далее, если не считать переработки «Смерти поэта», композитор сделал паузу в вокальном жанре почти на 20 лет, переключился на инструментальные жанры — симфонию и квартет. В смутные времена поздней сталинщины и хрущевских перемен он ощущал себя одиноко: поэзия молодых авторов не нравилась, да и прежде нахождение в поэтических строках созвучных личному настроению тонов составляло определенную проблему.

«Прорыв» случился неожиданно: в ходе создания балета «Одиссей» по Гомеру (1965 г.), погружение в стихию античных ритмов и необычных ладовых структур привело в выплескиванию накопленного в Квартете № 15, а косвенно — в небольшой триптих «**Три стихотворении С.М. Городецкого**» с заглавным номером «Гомер» (ор. 62, 1967—1972 гг.). Цикл сложился стихийно. Начинался с одного монолога, а в результате оказался трехчастной (№ 2 — «Настанет день, когда меня не станет», № 3 — «Золотая тишина») эпитафией поэту, примкнувшей к многочисленным опусам с аналогичной семантикой, начиная от квартета № 2 (1950 г.), посвященного безвременной кончине маленького сына (см. [7]). Сочинение, как и другие в этом роде, не столько мрачно-заупокойно, сколько философски-просветлено и риторично — в последнем оно кажется близким «Сюите на стихи Микеланджело» Д. Шостаковича. Пожалуй, единственный раз Голубев не искал для своей музыки тем-мелодий, довольствуясь краткими, сбивчивыми диалогами мотивов рояля и певца-баса (еще одна позднешостаковичская черта!). Концепционное различие циклов двух музыкантов принципиально, Голубев, в отличие от Шостаковича, не пророчил здесь собственной кончины и не подводил итога пути в жизни или искусстве, он светло прощался с братом, если видя в его уходе знак завершения эпохи, то не придавая этому знаку фатального смысла («...и минуты жизни тают, жизни песенной моей»). Точно

также «Эпитафии надгробию Достоевского» для струнного альта *solo*, превратившиеся со временем в квартет № 22, отнюдь не являлись траурной музыкой, вполне в духе адресата посвящения обращали написание музыки на 100-летие кончины писателя в повод к размышлению о нем самом. Циклу на стихи С. Городецкого повезло более других, его много и хорошо пел солист ГАБТ П. Глубокий, сделана удачная запись на пластинку.

Через по-настоящему завещательных сочинений открывается на рубеже 1970-х — 1980-х гг. «5 стихотворениями Ф. Гютчева» ор. 86. Стихи этого поэта странным образом «вошли в моду» и здесь Голубев как будто нащупал точки соприкосновения с эстетикой молодого тогда В. Сильвестрова. Его «тихие песни» бесшумны (только № 3, «Нам не дано предугадать»), содержит указание *mf*, остальные балансируют между *tr* и *p*). Погружают ли они слушателя в философские раздумья (№ 1, «Так в жизни есть мгновенья») или в бесконфликтный мир природы (№ 2 «Что ты клонишь над водами»), наполняют его сердце печалью (№ 4, «О чем ты воешь, ветр ночной?») или уносят в полуосязаемую метерлинковскую зыбь (№ 5, «Листья»), они неизменно полны отрешенности и почти бесстрастна. Звуки рояля и слова вновь теряют точки стилового контакта, но теперь между ними возникает и «горизонтально-подвижной» образный контрапункт: разделы формы сменяются несинхронно. Возбуждение внезапных фигураций инструмента не передается голосу, также как и необъяснимые, сомнамбулические распевы слогов у певца (подобный прием «потери смысла» встречался и в предыдущем цикле) не тормозят общего развития. Бас или баритон, которому, согласно авторскому замыслу, предстоит петь это сочинение, должен быть готов к трудному «испытанию фальцетом». По-настоящему плотное, темброво-насыщенное звучание допустимо столь редко, что, также как в поздних сочинениях Сильвестрова, обладатели высоких и низких голосов здесь фактически уравниваются в правах — понятие удобства и неудобства исполнения полностью нивелировано, текст пробивается через стену фактуры отзвуком, воспоминанием, слабым вздохом.

Комплекс самых последних работ Голубева объединен устремлением взгляда в горние миры. 8 духовных хоров ор. 88, квартет № 24 «Памяти Андрея Рублева»... Поздняя религиозность композитора далека от ажиотажа, который охватил постсоветскую культурную общественность в преддверии официально разрешенного празднования 1000-летия Крещения Руси. Тишина как средство изложения мысли становится для него все важнее (еще в давние годы записал на листке из блокнота: «Значение паузы может быть огромно...» [5, л. 2]),

замедленность течения музыкальной речи — все ощутимее. Музыка не назовешь потусторонней, но она принадлежит Вечности, ток ее мимоходит суетливую реальность, вытекая из мира непостижимого Абсолюта и возвращаясь туда же, не задерживаясь в дольном просторе. Голубев избегает кадансов и явных тональных тяготений, отказывается от вступлений, экспозиций, кульминаций и других способов реализации коммуникативной функции формы. Перед уходом он опии-сывает для тех, кто остается жить, изгиб течения Леты, открывшийся его духовным очам. Как выглядит рай? В нем звенит арфа.

Квintет для арфы и струнных, написанный в 1953 г., положил начало длительной дружбе композитора с В. Дуловой (тогда, в день премьеры Квintета, она присоединилась к Квартету им. Комитаса — верным исполнителям всех камерно-инструментальных новинок мастера). Дулова представила и финальные диптихи голубевской музы: **Две пьесы ор. 91** («Арфа» на стихи С. Городецкого и «Ноктюрн» для арфы соло) и **Два романа на стихи М.Ю. Лермонтова** ор. 92 для голоса и арфы («Ангел» и «Молитва»). Арфа как инструмент Вечности привлекала многих в те годы — и Б. Чайковского («Симфония с арфой», 1993 г.), и А. Эшпая (Концерт для кларнета и струнного оркестра с арфой и ударными, 1994 г.), и Р. Щедрина (*Concerto dolce* для альты и струнного оркестра с арфой, 1997 г.), — но Голубев сумел придать ей особое значение, ахматовскими словами — «голос таинственной лиры, на загробном гостящей лугу».

Вокальное творчество Голубева составляет по сей день парадокс композиции и исполнительства XX в. Избегающее очевидных языковых сложностей, чуждое авангардности, оно выглядит несколько старомодным на фоне новшеств второй половины столетия, и в то же время нигде не достигает той открытости эмоций, которая заставляет простить подобную «отсталость» сочинениям Г. Свиридова. Устремленное в подтекст слова, вскрывающее непредвиденные смыслы поэтических текстов даже там, где ничего подобного в помине не предполагалось, не потрясает открытием бездн человеческой мерзости, как бывает у Шостаковича, остается рассудительным и здравым. Тональное и мелодичное, оно трудно в разучивании певцами. Идиоматичное с точки зрения фортепианной техники, неудобно для пианистов. Точное в достижении выразительной цели, определенное по сверхзадаче, тяжело для неподготовленной, т. н., «широкой» публики. Как быть с ним? Когда настанет его век? И настанет ли когда-нибудь?

Список литературы:

1. Васина-Гроссман В.А. Мастера советского романса. М.: Музыка, 1980. — 346 с.
2. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. М.: Классика-XXI, 2010. — 456 с.
3. Голубев Е.К. Дневник. 31.12.1951—30.12.1952. Некот. заметки сделаны Т.В. Голубевой. // ОР РГАЛИ ф. 2798 (Е.К. Голубев), оп. 1, дело № 79. Авт., рук. — 52 лл.
4. Голубев Е.К. Дневник. 2.03.1974—30.12.1976. Некот. заметки сделаны Т.В. Голубевой. // ОР РГАЛИ ф. 2798 (Е.К. Голубев), оп. 1, дело № 91. Авт., рук. — 196 лл.
5. Голубев Е.К. Размышления о композиторском мастерстве [тезисы статьи, 1960-е гг.] // ОР РГАЛИ ф. 2798 (Е.К. Голубев), оп. 3, дело № 6. Авт., рук. — 2 лл.
6. Санько А.К. Евгений Голубев — жизнь и творчество. М.: МГК, 2004. — 120 с.
7. Соколовьяк Н.Л. Образный мир мемориальных квартетов Е.К. Голубева // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, — 2014. — № 8 (46): в 2-х чч. — Ч. II. — с. 169—172.
8. Чигарева Е.И., Холопова В.Н. Альфред Шнитке. М.: Советский композитор, 1990. — 356 с.
9. Холопов Ю.Н. Гармония. Теоретический курс. СПб.: Лань, 2003. — 544 с.

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРОЗЕ МАРИНЫ ПАЛЕЙ И МЮРИЭЛ СПАРК

Ализаде Афер Азер

*преподаватель Азербайджанской академии художеств,
диссертант кафедры Мировой литературы
Бакинского славянского университета,
Республика Азербайджан, г. Баку
E-mail: Alizadeafer@rambler.ru*

THE INTERTWINING OF MORAL AND SOCIAL PROBLEMS IN PROSE BY MURIEL SPARK AND MARINA PALEY

Afer Alizadeh

*teacher of Azerbaijan Academy of Arts,
candidate for degree of Baku Slavic University, World literature department,
Republic of Azerbaijan, Baku*

АННОТАЦИЯ

Мастера прозы, представленные в статье, давно и хорошо известны в современной литературе. Марина Палей и Мюриэл Спарк в своём творчестве поднимают такие масштабные проблемы, которые, переходя за границы национального, приобретают общечеловеческое значение. Русских и английских писательниц, совершенно противоположных по складу мышления и по характеру изложения повествования, объединяет интуитивно-эмоциональная передача перипетий жизни. Художниц слова сближают схожие темы, нравственно-этическая,

философская проблематика, лейтмотивом пронизывающие содержание созданных ими произведений.

ABSTRACT

The masters of prose, presented in this article are well-known in modern literature for a long time already. Both Marina Paley and Muriel Spark raise universal problems, actual for all humanity. These problems cross the national borders and get universal importance. Russian and English writer are quite different by their cost of mind and narration manner. In spite of this difference, they are close to each others by intuitive-emotional manner of twists and turns of life. Both writers are close by similarity of themes, moral-ethic and philosophical problems, set in works, leitmotifs, passing through the content of works.

Ключевые слова: ретроспективный взгляд; женские персонажи; морально-этические ценности; религиозные воззрения; тема денег и наживы.

Keywords: retrospective look; feminine personages; moral-ethic values; religious outlook; theme of money and profits.

Проза Марины Палей и Мюриэл Спарк характеризуется умением выразить истории свойственной женщине мироощущениями, а именно: надеждами, сомнениями, опасениями, восхищениями. Она демонстрирует сложное сплетение судеб героев с глубоким внутренним миром. Основная мысль, лежащая в основе прозы писательниц, заключается в следующих постулатах: нужно с пониманием и любовью относиться друг к другу, уметь показывать чуткость и равнодушие к людям, доверять, прощать и признавать ошибки.

Проза Палей и Спарк, при известной разнице в подходе к описанию национальных реалий, имеет точки соприкосновения в некоторых приемах и методах критического анализа действительности: сходятся узловые проблемы (нравственная проблематика, отношение к религии), объединяющие мировоззренческие принципы двух авторов. Также ряд произведений писательниц имеет единый композиционный стержень. Обращение к притче, символика, врываясь в повествование, раскрывают основные авторские замыслы (цикл рассказов Палей «Отделение пропащих», роман «Хор», роман Спарк «Пир»). Многогранность показа сложных движений человеческой души, составляя основу повествования, соседствует с размышлениями и лирическими отступлениями.

Автобиографизм, ретроспектива — от настоящего в прошлое содержат характеристику литературного почерка Палей и Спарк.

Ретроспективный взгляд позволяет героям пересмотреть свои мнения и представления о жизни. Часто в роли рассказчиц выступают сами писательницы: повествование ведется от первого лица (роман Спарк «Умышленная задержка», роман Палей «Дань саламандре», повести «Поминование», «Хутор»). Отсутствуют диалоги и динамика в повествовании, движение воссоздается в памяти героев.

Показательна в этом плане трактовка женских персонажей писательниц. В центре внимания обеих художниц слова волевые и цельные личности с твердой жизненной позицией. В большинстве своих повестей Палей рисует их людьми сильными и непреклонными («Хутор», «Поминование», «Евгеша и Аннушка»). Персонажи Евгеша (Евгения Августовна) и Аннушка (Анна Ивановна) сочетают в себе сердечность, духовную чистоту и мужество, твердость во взглядах. Иную степень духовности демонстрирует Рая — героиня повести «Рая и Аад». В силу специфических обстоятельств (связь с иностранным подданным), она не умела противостоять мужскому деспотизму и себялюбию. Аад заглушал её естественные желания и потребности своей неограниченной властью. В то же время она сопротивляется рабству в соответствии со своим социально-семейным положением. «О, Рая отлично понимала, куда, вцепившись ей в светло-русую гриву, влечет ее, Раю, женский *рок событий* — в какую душегубку заталкивает ее брачный гон, — она все понимала, но скажите, кто и когда мог противостоять этому гону (року)? — пишет Палей [1, с. 331]. Рае, щедро одаренной природой добротой и отзывчивостью, приверженностью интересам семьи, было присуще полное душевное согласие с тем, что происходило в мире и восприятие этого как должное. Это и есть фатальное отношение к жизни. Она не предъявляла к жизни высоких требований. Многогранно одаренная Рая подавила в себе запас интеллектуальных возможностей, способности к языкам, артистический талант, изначально остановив выбор на другом варианте — быть удобной жене, неприятельной и работающей. Она и не намеревалась ему соответствовать. Рая предпочла остаться неразвитой. Девушкой управляла семейственность — центр ее духовной жизни и запросов. Высшей наградой для нее был подарок судьбы в лице Аада и четырех детей.

Действия Раи можно толковать как скачкообразный шаг к освобождению личности. И потому, по убеждению Палей, кротость, сдержанность, смирение и долготерпение неизменно выдаются не за слабость, а подлинное богатство славянской души.

Упорством, прямоотой и целеустремленностью отмечен образ Меньки из повести «Кабирия с Обводного канала». В нравственном

отношении она существенно отличается от трех предшествующих героинь (Монька не защищает женскую добродетель, а отстаивает свободу любви), однако парадоксализм Палей заключается в оправдании этого честного, жаждущего любви и свободы, твердого духом существа.

Многие из перечисленных качеств характера русских героинь присущи и Флер Тэлбот. Упомянутая героиня романа Спарк «Умышленная задержка» показана личностью самодостаточной, отважной и совестливой. Этот характер победоносен и выдерживает суровые испытания благодаря силе духа. Высокие устремления Флер противостоят низменным потребностям сэра Квентина Оливера и его свиты — искушению деньгами, соучастию в преступлениях, покорной готовности услужить богатым и влиятельным людям. Эти люди пропитаны напускной благородностью, аморальностью, трусостью. Спарк сознательно сталкивает совершенно противоположные углы зрения и жизненные установки, воплощенные в разных персонажах. На протяжении повествования обнажается внутренняя сущность — нравственная пустота БэрилТимс, Дотти, Мейзи Янг, леди Бернис Гилберт, отца Эгберта Дилени. Они бесчувственны и лицемерны, неспособны на понимание и сострадание, неестественны в равнодушии к чужому горю. Морально-этические ценности в лице человечности и искренности уступают стереотипам обывательского мышления. Их наглости и беспринципности нет предела.

Вызывает интерес проведение параллелей в исследовании религиозных воззрений Палей и Спарк. В повести Палей «Евгеша и Аннушка» устами рассказчицы даётся комментарий, чем являлась религия в жизни Аннушки. Глубокая вера в Бога проистекала, прежде всего, из-за сострадания к простым и бедным людям. Бедность же Аннушке пришлось самой пережить. В этом заключалась и основная причина ее бездомности — по христианским заповедям опасение понапрасну тревожить людей. И под конец жизни главными критериями праведности на земле становятся честность, доброта, сдержанность и порядочность. Она росла в сознании, что Бог есть и этого казалось достаточным. Героиня держала у себя ладанку и иконку, пекла куличи на Пасху, но больше признавала советские праздники, предпочитая их религиозным. Ясно, что отношение русской героини к религии трепетное, а жизнь по божеским правилам требует большой ответственности за судьбы людей и максимальной самоотдачи. Вера и доброта есть показатели духовного начала в человеке.

По-иному рассуждают герои Спарк. Они очень далеки от религиозной веры, в целом относятся к ней с меньшим почтением. Догматы

веры расходятся с их поступками. Действия характеров произведений писательницы «Умышленная задержка», «Пособники и подстрекатели», «Пир» несовместимы с благочестием. Отсутствует, в первую очередь, вера в бога, аскетические нормы поведения, следования божественной воле, нарушаются заповеди послушания. Спарк решает вопрос о месте религии в жизни человека в неразрывной связи с проблемами духовности и этики. Именно духовность в лице простоты, естественности, доброты, совестливости и негибкости духа определяет сущность человека и приводит его к прозрению.

Палей также, как и Спарк не обходит вниманием тему денег и наживы. Но она разрабатывает её как бы с обочины. У английской писательницы в центре внимания, как правило, процесс обогащения, и только в конце произведения представлены его печальные результаты. В работах Палей чаще исследуется следствие определённых действий, связанных с накопительством.

Это можно наблюдать на примере жизненного уклада анонимной героини романа «Дань саламандре». Юное создание — дочь обеспеченных людей. Какое же воспитание получила девочка, где деньги были фетишем? Деньги явились плацдармом для равнодушия. Попав в иную среду, где о ней заботились и проявляли безмерное добродушие, девочка первоначально предстала, как образец чистоты, робости и невинности. В скором времени выясняется, что это видимость: перед глазами читателей предстает совершенно заземленное существо, утратившее благоразумие и пренебрегающее приличиями.

Следовательно, при однозначной постановке и решительном осуждении темы скупости или наживы Палей и Спарк объективно исходят из разных критериев. Английская писательница, предпринимая попытку разрешить эту проблему, показывает социальные корни процесса обогащения и характеры, противостоящие ему. Палей, напротив, держит под прицелом нравственно-педагогический аспект. Её интересует картина будущего, когда отголоски жизни с большим размахом дадут о себе знать по истечении нескольких лет, калеча юные души.

Антигуманность и алчность являются также сквозной темой романов Спарк. Перед нами острая сатира на общественно-социальные, морально-этические явления, доминирующие в социуме современности. Герои писательницы лишены морально-нравственных и сугубо профессиональных качеств. В романе Спарк «Пособники и подстрекатели» мошенница Хильдегарт Вольф выдает себя за доктор-психотерапевта. Она обладает опасным даром побуждать своих пациентов к беспрекословному откровению, превращая их в психологически

зависимых покорных созданий. Ее имя, слава и дар вылечивания — следствие внушения. Кроткие натуры, пребывающие в состоянии религиозного экстаза, безропотно подчиняются ей, верят в эффективность длительных курсов терапии. Вольф и не помышляет сменить область деятельности. «Она доставляет мне громадное удовольствие!», — бесцеремонно заключает Вольф, имея в виду многочисленные аферы с исцелением [2, с. 235]. На ее банковские счета регулярно поступают денежные переводы из разных точек Ирландии; авантюристке платят высокие гонорары за лживые сеансы и консультации. Психологическая манипуляция над людьми, чудовищное управление их сознанием, притворство, мошеннические действия входят также в поле деятельности и лорда Лукана, сэра Квентина Оливера. Их не пугает страх разоблачения, возможность предстать перед судом. Они давно потеряли чувство стыда, причисляя себя к лику святых.

Положительные герои писательницы — умные, волевые, энергичные, амбициозные люди. Отрицательную же ветвь героев составляют люди, в которых надламывается естественное человеческое начало. В них отсутствует духовный стержень, нет просвета для высокого. Они характеризуются самодовольным спокойствием, крайне высокомерным отношением ко всем, кто ниже их по уровню социальной лестницы. Деньги, власть, ночные кутежи, дорогие развлечения составляет их образ жизни.

Палей в основном пишет в жанре «малой прозы» (рассказы и повести). Они позволяют писательнице на ограниченном пространстве воссоздать характеры и рассказать истории из их жизни. Они особенно показательны тем, что в их основе лежит частный случай. Рассказы Палей — единичные, искрометные моменты в судьбах отдельных героинь. По композиционному замыслу, они включают в себя несколько этапов из жизни литературных образов. Однако эти этапы намеренно сжаты; дорога, длиною в жизнь умещается всего лишь на нескольких страницах.

Совершенно по другим жанровым правилам строит свои произведения Спарк. Она работает исключительно в романном жанре. Писательница описывает драматическую судьбу человека, однако масса частных случаев объемлет все последующие этапы жизни. Таким образом, композиционный стержень оказывается принципиально иным.

Прозаическое наследие русских и английских писательниц объединяет постановка нравственно-этических, философских проблем, глубокое осмысление духовного потенциала героев. Их произведения

неизменно содержат одну мысль: нравственное начало невозможно вбить в человека без глубокой осознанности.

Список литературы:

1. Палей М. Хор: роман-притча. М.: Эксмо, 2011. — 352 с.
2. Спарк М. Передел. Пособники и подстрекатели. Романы. М.: Транзиткнига, 2004. — 336 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XLIV международной научно-практической конференции

№ 1 (44)

Январь 2015 г.

Подписано в печать 27.01.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3